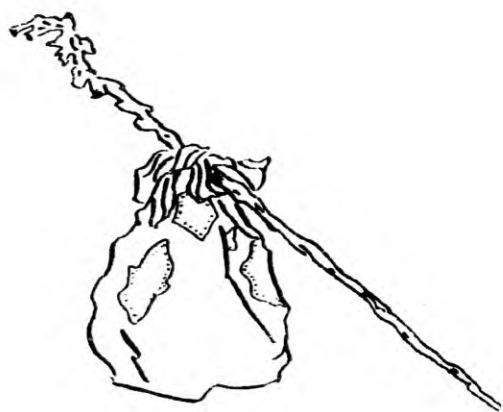

ДАОСКИЕ ПРИТЧИ

ДАОССКИЕ ПРИТЧИ

会米
十竹齋

十竹齋
藏

Санкт-Петербург

1995

Во сне, в зеркале, в воде существует мир. Все,
что есть и чего нет там, присутствует здесь, а не
там. Вот почему мудрец не отвергает мир,
а устраняет знание о нем.

水竹新

Эта книга является необычной и непривычной для нашего читателя. В ней собраны жемчужины китайской мысли — из каждого ожерелья по одной, по две, не больше — отшлифованные многовековой традицией, переведенные и поданные так, чтобы это было доступно. Именно это — доступность — и легло в основу концепции книги.

Великолепные переводы, а скорее — пересказы, ибо перевести с китайского почти невозможно, можно лишь пересказать, выполнены С.Кучерой, Л.Д.Позднеевой и В.Марковой.

Эти притчи ни чему не поучают, ни к чему не призывают, и ни к чему не обязывают. Они ненавязчивы по содержанию. Но в них есть нечто, родившееся давным-давно, в тем непонятные и страшные времена, которые мы называем «до нашей эры», родившееся далеко-далеко, в сказочной стране, похожей на сон — Поднебесной — в них, в этих притчах есть нечто удивительное — в них есть каждый из нас.

И это главное в них.

Теперь мы будем вместе. Потому что все возвращается к Единому. И нет на свете капельки воды, которая не возвратится к Океану. Теперь мы будем как капельки, стекая и дробясь, меняясь, возвращаться к Океану. В нем — мы все безличны, мы — одно, но здесь, на этом пути от рождения до смерти, мы, капельки, отличаем себя и друг друга, думаем, обладаем стеной индивидуальности. И страдаем. Нам не понять такой простой вещи, что и вне Океана мы тоже — Океан. А сила и бессмертие Океана приходят к нам в тот момент, когда мы вдруг это осознаем.

О-со-знание наше вовсе не связано с умом (строителем стены) — ум слишком пристрастен — оно приходит через тело, через существо, через то, что древние китайцы называли сердцем (иероглиф «синь», который мы переводим как «сердце»), не имея, однако, в виду наше физическое сердце. О-со-знание приходит как новая реальность через очищение сердца. Слова становятся больше не нужны. Исчезают сомнения. И вот тогда на холме Конец Сомнений тот, кого называли Возвышающимся Безумцем, незаметно превращается в Осуществляющего Недеяние, который смотрит на мир глазами новорожденного теленка. И всюду видит Океан.

А мы умны и нам очень нужны наши слова. Мы цепляемся за них, отождествляем себя с ними, плодим их, надеемся на них и в них же прячемся. Как страус засовывает голову в песок от страха, так и мы прячемся в слова. Чего мы так боимся?

Древние китайцы учились у птиц и разговаривали друг с другом при помощи свиста. И пищей настоящего человека («шэн жэнь», совершенному-

рого) считали чистый воздух и чистую слюну. Я не знаю, кто он, говорили они, и какой он практикой занимается, но в его лазоревых глазах отражаются долины и горы. Смотрю на него и чувствую, как смывается вся грязь суеты.

Лаоцзы был первым переводчиком со свиста на обычный человеческий язык. Он опустил планку, открыв новую традицию среди людей, разговаривающих при помощи свиста — он стал записывать свои слова.

Один суфийский мастер, беседа со своими учениками, все время говорил им о таинственной книге, хранящейся у него под подушкой, которая, по его словам, была бездонным источником всей его мудрости. Ученики следили за шейхом — и действительно, по вечерам, ложась в постель, он доставал из-под подушки роскошно инкрустированную книгу в сафьяновом переплете (они видели это через крохотную щель между занавесками) и читал ее перед сном. Каждый из них мечтал заглянуть в эту книгу. Но мастер строго охранял ее и за много лет ни одному из его учеников, даже самых приближенных, не удалось взять таинственную книгу в руки. Но вот настал день, когда шейх умер. И тогда все ученики столпились вокруг него и, будучи не в состоянии больше ждать, достали из-под подушки, на которой покоилась голова их учителя, книгу. Они открыли ее. Они пролистали ее от начала и до конца. Но там не было ни одного слова. Книга была чистой.

Уже в наше время, в Англии, одно очень солидное британское издательство решило издать эту книгу. Небольшим тиражом. В сафьяновом переплете. На очень хорошей бумаге. Но главное — с предисловием.

Лаоцзы был уроженцем уезда Ку, который находился в царстве Чу. Он носил фамилию Ли, а имя Дань. Он жил в столице царства Чжоу и был там главным хранителем государственного архива. А потом он сел на черного быка и поехал на запад. На границе его остановили и потребовали какой-нибудь документ. Лаоцзы, сидя на черном быке, передал молодому пограничнику, который не умел читать, какой-то сверток. Солдат понес этот сверток к начальнику заставы, а когда вернулся обратно, Лаоцзы уже не было, он уехал на черном быке на запад.

Вместо пропуска он оставил книгу, которая состояла из двух частей и пяти тысяч слов. Это была книга о «дао» и «дэ». Книга ни о чем. Текст сжат в ней до пределов возможного, до некоей критической массы, за которой утрачивается всякая возможность вербальной передачи. Дальше начинается свист.

«Дао дэ цзин» — это таинственная книга с чистыми страницами. Ее переводят, комментируют, пытаются трактовать, но все это больше напоминает предисловие к английскому изданию.

Нам все время хочется невыразимое выразить словами. Мы без конца апеллируем к своим знаниям («чжи») и забываем о том, как ничтожна та крохотная часть миро-здания, которую мы способны высветить своим разумом. Как примитивен наш инструмент — слова. Тем более тогда, когда их используют для того, чтобы **н е в ы р а з и м о е** выразить словами.

Проблему смог разрешить Чжуанцзы. «Его учение,— говорится в Ши-цзи — не знало пределов, однако, в главном и основном он возвращался к словам Лаоцзы, поэтому его письма, сто с лишним тысяч иероглифов,— это большей частью одни иносказания...» Ино-сказания — это и есть **при-**

тчи, попытка через аллегорию, образ, символический сюжет, в обход, почти не касаясь руками, кончиками пальцев пробудить в читающем нечто, которое является им самим, оживляет и что-то незаметно меняет в нем.

«Слова Чжуанцзы безбрежны как океан; чтобы быть верным себе, он себя ничем не стеснял, поэтому правители и сановники не могли его использовать», — так говорит Сыма Цянь в своих «Исторических записках». Еще он говорит, что Чжуанцзы жил в 369—286 гг. до нашей эры. Может быть, это действительно так.

Чжуанцзы жил в небольшой деревушке и занимался плетением корзин. Он был очень худым и очень бедным. У него было много учеников. Но Чжуанцзы не покинул их. Он не поехал на запад на черном быке. Он умер в своей лачуге естественной смертью, попросив ближайших учеников только об одном — выбросить его мертвое тело в поле на съедение коршунам и шакалам. Он не хотел отдавать предпочтения муравьям и червям. Такое погребение в Поднебесной считалось самым позорным. Но Чжуанцзы, чья жизнь до последнего вздоха была наглядным пособием, демонстрацией его учения, не мог поступить иначе — вся земля для него была могилой, а небо — погребальным саваном.

Чжуанцзы веселился, когда видел слезы своих учеников, потому что он знал, что никогда не умрет и никогда не умирал. Он превратился в свои притчи и вместе с Янчжу, Лецзы и многими-многими другими, старыми и молодыми, известными и неизвестными, дошел до нас как посланный через тысячелетия импульс, как чистый свет давно погасшей звезды. Дошел в виде притч, аллегорий, «безумных речей», ино-сказаний, чтобы зажечь этот свет и в нас.

Теперь мы будем вместе. В воздухе, которым мы дышим, в мыслях, которые проносятся сквозь нас, в тихих зимних вечерних сумерках, в запахе утреннего тумана, в молчаливо-бездонном небе и в шорохе осеннего дождя — во всем, что нас окружает. И в этой книге — тоже. Как капельки, стекая и дробясь, меняясь, мы будем возвращаться к Океану.

И даже если мы никогда больше не будем вместе — мы все равно будем вместе.

В

старину жил один проповедник, учивший, как познать путь к бессмертию. Царь послал за ним, но посланец не спешил, и тот проповедник умер. Царь сильно разгневался и собрался было казнить посланца, когда любимый слуга подал царю совет:

— Люди более всего боятся смерти и более всего ценят жизнь. Если уж сам проповедник утратил жизнь, то как же он мог сделать бессмертным царя?

И посланца пощадили.

Некий Бедняк тоже хотел научиться бессмертию и, услышав, что проповедник умер, стал бить себя в грудь от досады. Услышал об этом Богач и принялся над ним смеяться:

— Сам не знает, чему собрался учиться. Ведь тот, у кого хотели на-

учиться бессмертию, умер. Чего же он огорчается!

— Богач говорит неправду, — сказал Хуцзы. — Бывает, что человек, обладающий средством, неспособен его применить. Бывает также, что способный применить средство им не обладает.

Некий вэец прекрасно умел считать. Перед смертью он передал сыну свой секрет в виде притчи. Сын слова эти запомнил, а применить их не сумел. Он передал слова отца другому человеку, который у него спросил. И тот человек применил секрет не хуже, чем это делал покойный.

Вот так и с бессмертием! Разве умерший не мог рассказать о том, как познать путь к бессмертию?

Н

Некий писец не мог ни есть ни спать: он опасался, что небо обрушится, а земля развалится и ему нигде будет жить. Опасения эти печалили другого человека, который отправился к нему и стал объяснять:

— Почему ты опасаясь, что обрушится небо? Ведь небо — это скопление воздуха. Нет места без воздуха. Ты зеваешь, дышишь и действуешь в этом небе.

— Но если небо действительно скопление воздуха, то разве не должны тогда упасть солнце, луна, планеты и звезды? — спросил его писец.

— Солнце, луна, планеты и звезды — это та часть скопления воздуха, которая просто блещит. И если

бы они даже упали, то никому бы не причинили вреда.

— А если земля развалится?

— Почему ты опасешься, что земля развалится? Ведь земля — это скопление твердого тела, которое заполняет все четыре пустоты. И нет места без твердого тела. Ты стоишь, ходишь и действуешь на земле.

Услышав это, писец успокоился и очень обрадовался. Объяснявший ему тоже успокоился и тоже обрадовался.

Услышав об этом, учитель Мо усмехнулся и сказал:

— Радуга простая и двойная, облака и туман, ветер и дождь, времена года — эти скопления воздуха образуют небо. Горы и холмы, реки и моря, металлы и камни, огонь и дерево — эти скопления твердого тела образуют землю. Разве познавший, что небо — это скопление воздуха, и познавший, что земля — это скопление твердого тела, скажет что они не разрушатся? Ведь в пространстве небо и земля — вещи очень мелкие, а самое крупное в

них — бесконечно и неисчерпаемо. И это очевидно. Опасность их разрушения относится к слишком далекому будущему, но слова о том, что они никогда не разрушатся, также неверны. Поскольку небо и земля не могут не разрушиться, они обязательно разрушатся. И разве не возникнет опасность, когда придет время их разрушения?

Услышав об этом, Лецзы усмехнулся и сказал:

— Те, кто говорит, что небо и земля разрушатся, ошибаются. Те, кто говорит, что небо и земля не разрушатся, тоже ошибаются. Разрушатся или не разрушатся — я не могу этого знать. Ведь живым не дано знать, что такое мертвые, а мертвые не знают, что такое живые. Приходящие не знают уходящих, а уходящие не знают приходящих. Так зачем нам тревожиться и думать о том, разрушатся небо и земля или не разрушатся?

днажды Владыка Подне-
бесной сказал По:

— Ты обременен годами. Может
ли кто-нибудь из твоей семьи слу-
жить мне и выбирать лошадей
вместо тебя?

По ответил:

— Хорошую лошадь можно уз-
нать по ее виду и ходу. Но несрав-
ненный скакун тот, что не касается
земли и не оставляет следа, — это
нечто таинственное и неуловимое,
неосязаемое, как утренний туман.
Таланты моих сыновей не достига-
ют высшей ступени: они могут от-
личить хорошую лошадь, посмотрев
на нее, но узнать несравненного
скакуна они не могут. Однако есть
у меня друг по имени Као, торговец
хворостом и овощами. — он не хуже

меня знает толк в лошадях. Призови его к себе.

Император так и сделал. Вскоре он послал Као на поиски коня. Спустя три месяца тот вернулся и доложил, что лошадь найдена.

— Она находится в Шахью. — добавил он.

— А какая это лошадь? — спросил император

— Белая кобыла. — был ответ.

Но когда послали за лошадью, оказалось, что это черный, как ворон, жеребец.

Император в негодовании вызвал По.

— Твой друг, которому я поручил найти коня, совсем осрамился. Он не в силах отличить жеребца от кобылы! Что он может понимать в лошадях, если даже масть назвать не сумел?

По вздохнул с глубоким облегчением.

— Неужели он и вправду достиг этого? — воскликнул он. — Тогда он стоит десяти тысяч таких, как я.

Я не осмелюсь сравнить себя с ним. Ибо Као проникает в строение духа. Постигая сущность, он забывает несущественные черты: прозревая внутренние достоинства, он теряет представление о внешнем. Он умеет видеть то, что нужно видеть, и не замечает ненужного. Он смотрит туда, куда следует смотреть, и пренебрегает тем, на что смотреть не стоит. Мудрость Као столь велика, что он мог бы судить и о более важных вещах, чем достоинства лошадей.

И когда привели коня, оказалось, что поистине он не имеет себе равных.

和日平
大竹旦

ворящий Благо сказал
Чжуанцзы:

— Ты все время говоришь о бесполезном.

— С тем, кто познал бесполезное, можно говорить и о полезном. — ответил Чжуанцзы. — Ведь земля и велика и широка, а человек ею пользуется лишь на величину своей стопы. А полезна ли еще человеку земля, когда рядом с его стопой роют ему могилу?

— Бесполезна. — ответил Творящий Благо.

— В таком случае. — сказал Чжуанцзы. — становится ясной и польза бесполезного.

И

нь управлял огромным хозяйством.

Подчиненные ему рабы, боясь гнева хозяина, работали без остановки, не отдыхая, от зари до самой темноты.

Одного старого раба, у которого уже не осталось сил, Инь заставлял трудиться особенно много. Утром раб со стонами шел на работу, ночью, усталый, крепко засыпал. Когда жизненная энергия рассеивалась, он каждую ночь видел себя во сне царем, стоящим над народом, правящим делами всего царства. Он наслаждался, как хотел, проводя время с наложницами, в прогулках, пирах и зрелищах, испытывая несравненную радость.

Пробуждаясь, он снова оказывался рабом.

Люди утешали его в тяжком труде, раб же им говорил:

— Человек живет сто лет. Это время делится на день и ночь. Днем я раб-пленник и страдаю горько, а ночью становлюсь царем и радуюсь несравненно. Чего же мне роптать?

У хозяина же Иня сердце было занято одними хлопотами. В заботах о дарованном предками наследии он утомлялся и телом и душой, и вечером, усталый, засыпал. И каждую ночь во сне он становился рабом, которого погоняли, поручая любую работу, всячески ругали и били. Во сне он бредил и стонал, и отдых приходил к нему только наутро.

Страдая от этого, Инь попросил совета у своего друга. Друг сказал ему:

— Ты намного превосходишь других своим положением, которого вполне достаточно для славы. А имущества и богатства у тебя излишек. Становиться во сне рабом и возвращаться от покоя к муче-

нию — таково постоянство судьбы.
Разве можешь ты обладать всем и
во сне и наяву?

Выслушав совет друга, Инь
уменьшил бремя своих рабов. Он со-
кратил все дела, о которых забо-
тился, и лишь тогда почувствовал
облегчение.

迴風

十竹齋書

уанди поехал повидаться с Высоким Утесом на гору Терновая Чаща. Колесничим у него был Едва Прозревший, на коренной сидел Блестящий Сказочник, впереди коней бежали Предполагающий и Повторяющий, позади колесницы — Подобный Привратнику и Смехотвор.

Доехав до равнины у города Сянчэна, семеро мудрецов заблудились. Узнать же дорогу было не у кого. Тут встретился им мальчик-табунщик, и они его спросили:

— Знаешь ли ты гору Терновая Чаща?

— Да, — ответил мальчик.

— А знаешь ли ты, где живет Высокий Утес?

— Да!

— Удивительно! — воскликнул Хуанди. — Ребенок, а знает не только, где гора Терновая Чаша, но и где живет Высокий Утес. А разреши тебя спросить: что нужно делать с Поднебесной?

— Что делать с Поднебесной? — ответил мальчик. — То же, что и с табуном. Что еще с ней делать?

С детства я бродил по миру и глаза мои ничего не видели. Некий старец научил меня: «Броди в степях у Сянчэна, подобно колеснице солнца». И вот глазам моим стало лучше, и я снова пойду скитаться за пределами шести стран света. Что делать с Поднебесной? То же, что и с табуном. Что же еще мне с ней делать?

— Управление Поднебесной действительно не ваше дело, мой учитель. И все же, разрешите спросить, что делать с Поднебесной?

Мальчик отказался отвечать. Но Хуанди повторил свой вопрос, и мальчик сказал:

— Не так ли следует управлять Поднебесной, как пасти коней? Устранять все, что вредит коням, и только.

Хуанди дважды поклонился мальчику, назвал его Небесным Наставником и удалился.

дин человек сказал Чжуанцзы:

— Царь подарил мне семена тыквы-горлянки. Я посадил их и вырастил огромные тыквы. А что в них проку? Для воды и сои они оказались слишком хрупкими, а разрубленные на ковши, они оказались слишком мелкими. Я решил, что они бесполезны, и порубил их.

Чжуанцзы ответил:

— Вы не сумели придумать, что делать с огромными тыквами, как тот сунец, который обладал прекрасным снадобьем для рук, чтобы кожа на них не потрескалась. Пользуясь этим снадобьем, в его семье из поколения в поколение занимались промыванием шелковой пряжи. Об этом услышал чужеземец и предложил за рецепт сотню золо-

том. Собрав всю семью на совет, сунец сказал:

— Из поколения в поколение мы промывали шелковую пряжу, но получали совсем немного денег. А сегодня за одно утро мы можем выручить сотню золотом. Давайте продадим ему снадобье!

Чужеземец получил рецепт и рассказал о нем своему царю. Вскоре царь сделал владельца рецепта полководцем. Когда сунцы оказались в тяжелом положении, он объявил им войну и вступил зимой в морское сражение. Используя чудодейственное снадобье, он разбил сунцев наголову, отнял у них землю и получил ее в награду.

Снадобе было все то же, а воспользовались им по-разному: один с его помощью промывал пряжу, а другой сумел получить землю.

Тогда тот человек сказал:

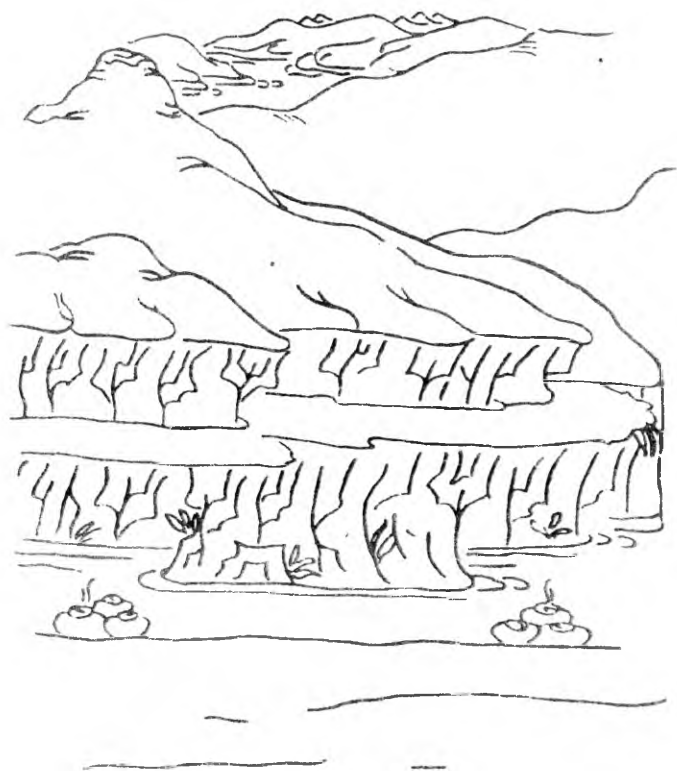
— У меня есть большое дерево. Его ствол распух от наростов и не поддается работе с отвесом. Его ветви такие скрюченные, что не

поддаются работе с циркулем и на-
угольником. Стоит у дороги, а плот-
ники на него не смотрят. Так и ваши
слова. Велики, но бесполезны, никто
их не понимает.

— Не замечали ли вы, — ответил
Чжуанцзы, — как, прижавшись к
земле, лежит в засаде лиса или
дикая кошка и подстерегает свою
жертву? Прыгая то на восток, то на
запад, то вверх, то вниз, они сами
попадают в ловушки и умирают в
сетях. А вот як велик, словно туча,
но при огромной силе ему не схва-
тить даже мыши. Вас заботит, что
большое дерево не приносит пол-
ьзы? Но зачем так печалиться? Пе-
ресадите его в бесплодную мест-
ность, в широкую степь. Около него
будут блуждать в недеянии, под ним
будут спать в скитаниях. Оно не по-
гибнет раньше времени от топора.

Когда мы спим, мы не знаем, что видим сон. Во сне мы даже гадаем по сну и, лишь проснувшись, узнаем, что это был сон. Но есть еще великое пробуждение, после которого узнаешь, что все это — великий сон. А дураки думают, что они бодрствуют и доподлинно знают, кто они: «Я царь! Я пастух!» Как тупы они в своей уверенности! Ты и Конфуций — только сон. И даже то, что я называю тебя сном, — тоже сон.

О

дноногий завидовал Сороконожке. Сороконожка завидовала Змее. Змея завидовала Ветру. Ветер завидовал Глазу. Глаз завидовал Сердцу.

Одноногий сказал Сороконожке:

— Подпрыгивая на одной ноге, я передвигаюсь медленнее тебя, но как ты справляешься с таким количеством ножек?

— Не знаю как — я двигаюсь при помощи своего естественного механизма. — ответила Сороконожка. — разве ты не видел плюющего человека? Когда он плюет, образуются капли: большие, похожие на жемчуг, и маленькие, похожие на туман. Смешиваясь, они падают вниз, и сосчитать их нельзя. Так же и я двигаюсь при помощи моего

естественного устройства и не знаю, почему это так.

Сороконожка сказала Змее:

— Я передвигаюсь при помощи множества ног, однако, не могу догнать тебя, у которой ног нет. Почему?

— Мною движет естественное устройство, — ответила змея. — Разве можно это изменить? Зачем мне пользоваться ногами?

Змея сказала Ветру:

— Я перемещаюсь, двигая хребтом и ребрами, так как обладаю телесной формой. Ты же с воем поднимаешься в Северном океане и переносишься в Южный океан, хотя ты вовсе лишен тела. Как же это происходит?

— Да, это так. Я поднимаюсь с воем в Северном океане и переношусь в Южный океан, однако, если кто-либо тронет меня пальцем, то победит меня; если станет топтать ногами, то тоже меня одолеет. Хотя это и так, но ведь только я один могу ломать большие деревья и раз-

рушать большие дома. Поэтому я
использую множество маленьких
не-побед и превращаю их в одну
большую победу. Однако стать ве-
ликим победителем может только
постигший дао.

арод Ханьдани в день Нового Года подносил своему Повелителю горлиц. В большой радости государь щедро всех награждал.

— Зачем?— спросил его гость.

— Я проявляю милосердие, — ответил Повелитель. — Отпускаю птиц на волю в день Нового Года.

— Всем известно желание Повелителя отпускать птиц на волю в день Нового Года. Оттого и ловят горлиц, соревнуясь и убивая при этом огромное количество птиц. Если Повелитель действительно хочет оставить горлиц в живых, пусть он лучше запретит их ловить. Если же отпускать на волю пойманных, спасенные из милосердия не смогут восполнить числа убитых.

И государь согласился с ним.

Л

ецзы мог легко передвигаться по воздуху, оседлав ветер.

Об этом узнал ученик Инь. Он пришел к Лецзы и несколько месяцев не уходил домой. Он просил учителя рассказать на досуге о его искусстве, десять раз обращался с глубоким почтением, и десять раз учитель ничего не говорил. Наконец ученик Инь возроптал и попросил разрешения попрощаться. Лецзы и тогда ничего не сказал.

Инь ушел, но мысль об учении его не оставляла, и через некоторое время он снова вернулся.

— Почему ты столько раз приходишь и уходишь? — спросил его Лецзы.

— Прежде я обращался к тебе с просьбой, — ответил Инь, — но ты мне ничего не сказал, и я на тебя

обиделся. Теперь я забыл обиду и поэтому снова пришел.

— Прежде я считал тебя пронизательным, — сказал Лецзы. — Теперь же ты оказался столь невежественным. Хорошо. Оставайся. Я поведаю тебе о том, что открыл мне мой учитель.

С тех пор как я стал служить учителю, прошло три года, я изгнал из сердца думы об истинном и ложном, а устам запретил говорить о полезном и вредном. И лишь тогда я удостоился взгляда учителя.

Прошло пять лет. В сердце у меня родились новые думы об истинном и ложном, а устами я по-новому заговорил о полезном и вредном. И лишь тогда я удостоился улыбки учителя.

Прошло семь лет, и, давая волю своему сердцу, я уже не думал ни об истинном, ни о ложном. Давая волю своим устам, я не говорил ни о полезном, ни о вредном. И лишь тогда учитель позвал меня и усадил рядом с собой на циновке.

Прошло девять лет, и как бы ни принуждал я свое сердце думать, как бы ни принуждал свои уста говорить, я уже не ведал, что для меня истинно, а что ложно, что полезно, а что вредно. Я уже не ведал, что учитель — мой наставник. Я перестал отличать внутреннее от внешнего. И тогда все мои чувства как бы слились в одно целое: зрение уподобилось слуху, слух — обонянию, обоняние — вкусу. Мысль ступила, а тело освободилось, кости и мускулы сплавились воедино. Я перестал ощущать, на что опирается тело, на что ступает нога, и, следуя за ветром, начал передвигаться на восток и на запад. Подобный листу с дерева или сухой шелухе, я в конце-концов перестал осознавать, ветер ли оседлал меня или я — ветер.

Ты же ныне поселился у моих ворот. Еще не прошел круглый срок, а ты роптал и обижался дважды и трижды. Ни одной доли твоего тела не может воспринять ветер, ни

одного твоего сустава не может
поддержать земля. Как же смеешь
ты надеяться ступать по воздуху и
оседлать ветер?

Ученик Инь устыдился. Он при-
смирел и долго не решался задавать
вопросы.

題壁

周我寫似

十竹主人

В

ладыкой Южного океана был Поспешный, владыкой Северного океана — Внезапный, владыкой центра — Хаос.

Поспешный и Внезапный часто встречались на земле Хаоса, который принимал их радушно, и они захотели его отблагодарить.

— Только у Хаоса нет семи отверстий, которые есть у каждого человека, чтобы видеть, слышать, есть и дышать, — сказали они. — Попробуемся ему их проделать.

Каждый день они делали по одному отверстию, и на седьмой день Хаос умер.

Ш

ел по дороге Плотник и увидел на повороте огромный Дуб в сотню обхватов. В восьмидесяти локтях над землей возвышалась его крона с такими толстыми ветвями, что каждой хватило бы на лодку. Рядом толпились зеваки, точно на ярмарке. А Плотник, не останавливаясь и не оборачиваясь, прошел мимо. Ученики его, вдоволь насмотревшись на Дуб, догнали Плотника и спросили:

— Почему вы, Преждерожденный, прошли мимо, не останавливаясь, и не захотели даже взглянуть? Нам еще не приходилось видеть такого прекрасного материала с тех пор, как мы с топором и секирой последовали за вами.

— Замолчите! — ответил им Плотник. — От него нет проку.

Лодка, сделанная из него, потонет, гроб или саркофаг — быстро стниют, посуда — расколется. Сделаешь ворота или двери — их источат черви. Это дерево не строевое, ни на что не годное, оттого и живет долго.

Когда Плотник вернулся домой, во сне ему привиделся Дуб.

— С какими деревьями ты хочешь меня сравнить? — спросил Дуб. — С теми, что идут на украшения? Вот боярышник и груша, апельсиновое дерево и памела. Как только плоды созреют, их обирают, а обирая, оскорбляют: большие ветви ломают, маленькие — обрывают. Из-за того, что полезны, они страдают всю жизнь и гибнут преждевременно, не прожив отведенного природой срока. Это происходит со всеми, как только появился обычай сбивать плоды. Вот почему я давно уже стремился стать бесполезным, чуть не погиб, но теперь добился своего — и это принесло мне огромную пользу. Разве вырос

бы я таким высоким, если бы мог
для чего-нибудь пригодиться? К то-
му же мы оба: и ты и я — вещи.
Разве может одна вещь судить о
другой? Не тебе, смертному, беспо-
лезному человеку, понять бесполез-
ное дерево!

臨流

十竹齋

Ч

жуанцзы и Творящий Благо прогуливались по мосту через реку Хао.

Чжуанцзы сказал:

— С каким наслаждением эти ельцы играют в воде — вот в чем удовольствие рыб!

— Ты ведь не рыба, откуда тебе знать, в чем ее удовольствие? — спросил Творящий Благо.

— Ты ведь не я, — возразил Чжуанцзы, — откуда тебе знать, что я не знаю, в чем удовольствие рыб?

— Я действительно не ты, — ответил Творящий Благо, — и, безусловно, тебя не знаю. Однако ты, несомненно, не рыба и ни в коей мере не можешь знать, в чем ее удовольствие.

На это Чжуанцзы ответил:

— Вернемся к началу нашего спора. Ты сказал мне такие слова: «Откуда тебе знать, в чем удовольствие рыб?» Это значит, что ты уже знал, что я знаю это, и поэтому спросил меня.

Я же это узнал во время нашей прогулки у реки Хао.

С

транствуя. Конфуций заметил Огородника, который копал канавки для грядок и поливал их, лазая в колодец с большим глиняным кувшином. Он хлопотал, расходуя много сил, а достигал малого. Конфуций сказал:

— Есть машина, которая за один день поливает сотню грядок. Сил расходуется мало, а достигается многое. Не пожелаете ли вы ее испытать?

— Какая она? — подняв голову, спросил Огородник.

— Ее выдвигают из дерева: заднюю часть — потяжелее, переднюю — полегче. Она несет воду, точно накачивая. Будто кипящий суп. Называется она водочерпалкой.

Огородник от гнева изменился в лице и, усмехнувшись, ответил:

— Я не применяю ее ни от того, что не знаю, а от того, что стыжусь ее применять.

Я слышал от своего учителя, что тот, кто пользуется механизмами, будет все делать механически, а тот, кто действует механически, будет иметь механическое сердце. Если же в груди будет механическое сердце, тогда будет утрачена первоизданная чистота, а когда утрачена первоизданная чистота, жизненный дух не будет покоен.

Стыдясь и раскаиваясь, Конфуций опустил голову и промолчал.

Через некоторое время Огородник спросил:

— Кто ты?

— Я — Конфуций.

— Не из тех ли ты многознающих, что пытаются в самодовольстве всех превзойти? Не из тех ли, что бренчат в одиночестве на струнах и печально поют, чтобы купить себе славу на всю Поднебесную?

Ты из тех, кто торгует своей славой в мире. Неужто ты забыл о

своем духе и презрел свое тело? Ты
не умеешь управлять самим
собой — где уж тебе наводить по-
рядок в мире. Уходи и не мешай
мне работать!

С

терегущий Облака странствовал на Востоке и встретился с Безначальным Хаосом.

Безначальный Хаос прогуливался, подпрыгивая по-птичьи и похлопывая себя по бедрам. Увидев его, Стерегающий Облака в смущении остановился и почтительно спросил:

— Кто вы, старец? Что вы делаете?

— Прогуливаюсь. — ответил ему старик, продолжая похлопывать себя и прыгать.

— Я хочу задать вам вопрос. — сказал Стерегающий Облака.

— Фу! — посмотрев на него, воскликнул Безначальный Хаос.

— В небе нет гармонии, — начал Стерегающий Облака, — в земле застой, в шести явлениях природы нет согласия, в смене времен года нет

порядка. Что мне делать, если я собираюсь привести в гармонию сущность шести явлений, чтобы прокормить все живое?

— Не знаю, не знаю, — ответил Безначальный Хаос, похлопывая себя, прыгая и покачивая головой.

Стерегающий Облака не решился снова спросить.

Прошло три года.

Странствуя на Востоке, Стерегающий Облака снова заметил Безначального Хаоса. В большой радости поспешил он к нему и заговорил.

— Вы не забыли меня, Равный Небу? — дважды поклонился он до земли и хотел было задать вопрос, как Безначальный Хаос сказал:

— Что я могу знать? Парю, не ведая зачем. Несусь, не ведая куда.

— Я сам также считаю, что несусь, не ведая куда. Но народ следует за мной повсюду, и я с ним ничего не могу поделать. Ныне же, подражая людям, я хочу услышать от вас хоть одно слово.

И тут Безначальный Хаос заговорил:

— В том, что основа природы расшатывается, характер всех вещей извращается, изначальная природа остается незавершенной, стада разбегаются, птицы не поют по ночам, засуха сжигает деревья и травы, беда настигает даже пресмыкающихся и насекомых. — вина тех, кто наводит порядки среди людей.

— Но что же мне делать? — спросил Стерегающий Облака.

— Ах! Все это один вред! — воскликнул Безначальный Хаос. — Возвращайся к себе потихонечку.

— С вами так трудно встретиться. Хотелось бы услышать хотя бы еще одно слово.

— Укрепляй свое сердце! Если ты предашься недеянию, вещи будут сами собой развиваться. Оставь свое тело, свою форму, откажись от зрения, от слуха, забудь о людских порядках, о вещах, слейся в великом единении со всем, что тебя

окружает. Освободи сердце и разум, стань покойным, будто неодушевленное тело, и тогда каждый из тьмы существ станет самым собой, каждый вернется к своему корню.

Каждый вернется к своему корню неосознанно, смешиваясь в общем хаосе, и не оставит его до конца своей жизни. Не выпрашивай его названия, не пытай его свойств, и все вещи будут сами собой рождаться.

— Теперь я обрел то, что искал, — сказал Стерегащий Облака. — Вы, Равный Небу, ниспослали мне свои свойства. Вы просветили меня безмолвием.

Он дважды поклонился до земли, попрощался и ушел.

Н

а востоке жил человек,
которого звали Осторожным.

Стал он умирать от голода на
дороге. Заметил его разбойник по
имени Цю, принялся кормить его
кашей, поить вином.

Трижды глотнув, Осторожный
открыл наконец глаза.

— Кто ты? — спросил он.

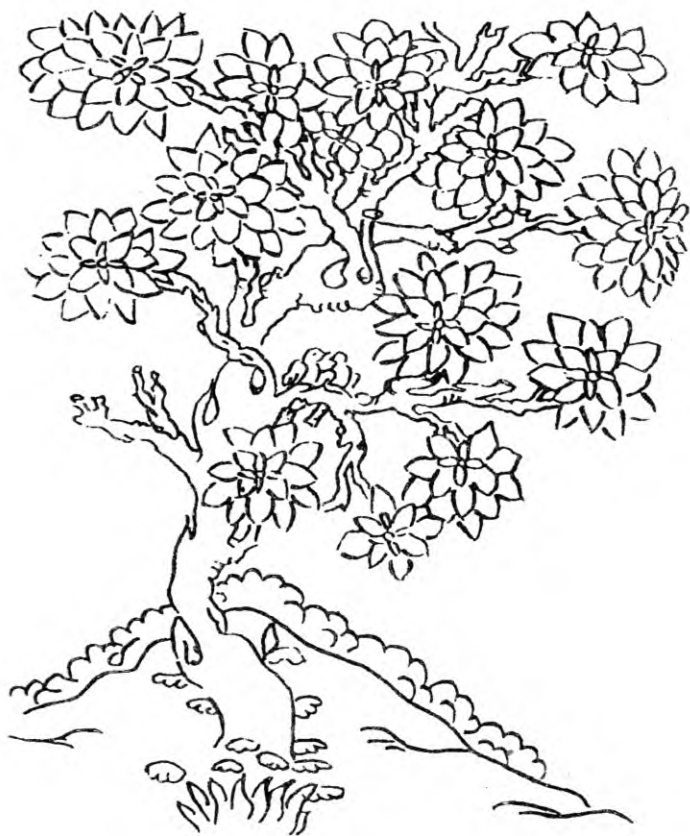
— Я — Цю. Живу в здешних
лесах.

— Ох! Не разбойник ли ты?
Зачем ты меня кормишь? Мой
долг — не принимать от тебя пищу.

Осторожный оперся руками о
землю и попытался извергнуть
пищу, но у него не вышло. Он за-
кашлялся, упал и умер.

Тот, кто боится есть, думая, что
съев украденное, сам станет вором,
не понимает ни названия, ни сущ-
ности.

Искусный трудится, знающий печалится, неспособному же не к чему стремиться. Наевшись досыта, скитается в праздности, подобно отвязавшемуся в половодье челну — пустой движется он по воле волн.

У

чителя Отца Цзао звали Великим Бобом. Когда отец Цзао пришел к нему учиться управлять колесницей, то, по обычаю, держался очень скромно. Великий Боб же ничего ему не объяснял целых три года. Отец Цзао относился к учителю все почтительнее, и тот, наконец, с ним заговорил:

— В старинной песне поется:

Сын хорошего лучника
Сначала должен научиться плести корзины.
Сын хорошего литейщика
Сначала должен научиться шить шубы.

Ты сначала посмотри, как я бегаяю. Когда будешь бегать, как я, тогда сможешь взяться за шесть пар вожжей и управлять шестеркой коней.

— Я буду повиноваться вашему приказу. — ответил Отец Цзао.

Тут Великий Боб сделал дорогу: на расстоянии шага один от другого установил столбы, на которых умещалась лишь ступня. По ним он стал ходить и бегать туда и обратно, не скользя и не падая.

Отец Цзао стал этому учиться и за три дня овладел его искусством.

— Как ты понятлив! Как быстро все усвоил! — вздохнув, сказал Великий Боб. — Так поступает настоящий Колесничий. Когда ты ходил, то овладел умением ногами, а откликался на него сердцем. То же самое распространи и на управление колесницей. Держи в порядке вожжи там, где они соединены с удилами, натягивай их или ослабляй в согласии с углами губ коней. Правильно соразмеряй мысль в своей груди, чувствуй ритм руками. Когда внутренне овладеешь волей, внешне научишься угадывать желание коней. Тогда-то и сумеешь посылать

коней вперед или отводить назад, словно по натянутому шнуру, делать повороты или кружиться, словно по угломеру и циркулю, и силы коней хватит с избытком на любой, самый дальний путь. Вот это истинное мастерство. Овладев мастерством управления удилами, приводи в соответствие поводья; овладев мастерством управления поводьями, приводи в соответствие и руки; когда руки овладеют мастерством, приводи в соответствие и мысли. И тогда можешь уже не следить глазами и не подхлестывать лошадей кнутом. Будешь стоять прямо с легким сердцем, и шесть пар вожжей не перепутаются, и топот двадцати четырех копыт будет равномерным, движения будут совершенно точными при езде вперед, назад, кругом и на поворотах. А затем уж твоя колесница проедет всюду, где только поместятся колеса, всюду, где только хватит места для конских копыт. И тогда езда в любой мес-

тности станет для тебя одинаковой,
и ты не заметишь ни отвесных гор,
ни узких ущелий, ни топи, ни рав-
нины!

Н

а левом рожке улитки находится царство рода Жун. На правом рожке — царство рода Мань.

Однажды взялись они воевать друг с другом за землю. Людей положили несколько десятков тысяч, за убежавшими охотились десять дней и еще пять. А после этого разошлись по домам.

У

соседа Учителя пропал баран. Чтобы его найти, сосед поднял на ноги всю общину и попросил у Учителя его учеников.

— Зачем так много людей для поисков одного барана? — спросил Учитель.

— На дороге много развилок. — ответил сосед.

— Отыскиали барана? — спросил Учитель, когда они вернулись.

— Нет! Пропал!

— Почему же пропал?

— После каждой развилки на дорогах еще развилки. Мы не знали, по которой баран ушел, поэтому и вернулись.

От огорчения Учитель изменился в лице и умолк надолго. За весь день он ни разу не улыбнулся. Удивляясь, ученики спросили его:

— Почему вы перестали говорить и улыбаться? Ведь баран — скотина дешевая. К тому же он вам не принадлежал.

Учитель ничего не ответил, и они ничего не поняли.

Один из учеников поведал обо всем Судье. На другой день Судья вместе с этим учеником пришел к Учителю и спросил:

— Осмелюсь задать вам вопрос: кто из трех братьев прав, а кто неправ.

Некогда три брата учились у одного наставника. Постигнув учение о милосердии и долге, они вернулись домой. Каково же учение о милосердии и долге? — спросил их отец. Старший брат ответил: «Милосердие и долг велят мне беречь самого себя, а затем уж свою славу.» Средний брат ответил: «Милосердие и долг велят мне стремиться к славе, не жалея при этом себя.» А младший брат сказал: «Милосердие и долг велят мне сохранить и жизнь и славу.»

Все трое учились одному и тому же, а понимание у каждого оказалось свое. Так кто же из трех братьев был прав?

— А на чьей стороне истина в другой истории? — спросил Учитель.

Перевозчик, который жил на берегу реки, привык к воде, он смело плавал и управлял лодкой. На переправе он зарабатывал столько, что ему хватало прокормить сотню ртов. И вот, захватив с собой провизию, к нему приходят учиться. И чуть ли не половина учеников тонет. Учились, собственно говоря, плавать, а не тонуть. Вот какой вред причинило многим то, что одному принесло такую пользу!

Судья встал и молча вышел, а ученик, который его привел, стал укорять:

— Зачем ты задал такой далекий от темы вопрос? Учитель ответил также туманно. В результате я еще больше запутался.

— Увы! — сказал Судья. — Ты жил вблизи Пржедрожденного, упражняясь в его учении, и так плохо его понимаешь!

Если баран пропал оттого, что на дороге много развилок, то философы теряют жизнь оттого, что наука многогранна. Это не означает, что учение в корне различно, что корень у него не один. Но это показывает, как далеко расходятся его ветви, чтобы не погибнуть и обрести утраченное, необходимо возвращение к общему корню, необходимо возвращение к единству.

南
 山
 隱
 士
 一
 帆
 飛
 去
 矣

Ч

жуанцзы однажды наткнулся на голый череп, побелевший от времени, но еще сохранивший форму. Чжуанцзы ударил по черепу хлыстом и обратился к нему с вопросами:

— Довела ли тебя до этого безрассудная жажда жизни или секира на плахе, когда служил у царя? Довели ли тебя до этого дурные поступки, опозорившие отца и мать, жену и детей? Довели ли тебя до этого муки голода и холода?

Сказав это, Чжуанцзы лег спать, положив под голову череп.

В полночь Череп явился ему во сне и сказал:

— Ты болтал, будто софист. В твоих словах — бремя мучений живого человека. После смерти их нет. Хочешь ли выслушать мертвого?

— Да. — ответил Чжуанцзы.

— Для мертвого, — сказал Череп. — нет ни царя наверху, ни слуг внизу, нет для него и смены времен года. Спокойно следует он за годовыми циклами неба и земли. Такого счастья нет даже у царя!

Не поверив ему, Чжуанцзы спросил:

— А хочешь, я велю Ведящему судьбами возродить тебя к жизни, отдать тебе плоть и кровь, вернуть отца и мать, жену и детей, соседей и друзей?

Череп взгляделся в него, сурово нахмурился и ответил:

— Кто пожелает сменить царственное счастье на человеческие муки?

В

царстве Ци жил богач, а в царстве Сун — Бедняк. Пришел Бедняк к Богачу, чтобы выпросить у него секрет богатства.

Богач сказал:

— Я стал богатым, когда овладел искусством похищения. С тех пор как я начал похищать, за первый год сумел прокормиться, за второй год добился достатка, а за третий год — полного изобилия. И с тех пор я раздаю милости в селениях области.

Бедняк очень обрадовался, но понял он лишь слово «похищение», а не способ кражи. Он принялся перелезать через ограды, взламывать замки и тащить все, что попадалось ему под руку, все, что бросалось ему в глаза. Очень скоро его схватили, осудили и конфисковали награблен-

ное, а вместе с ним и то имущество, которое было у него прежде.

Когда Бедняк вышел из тюрьмы, он отправился к Богачу, решив, что тот его обманул.

— Как же ты грабил? — спросил его Богач. И Бедняк рассказал, как было дело.

— Как ты ошибся в способе воровства! — воскликнул Богач. — Но теперь я тебе о нем поведаю.

Я узнал, что небо дает времена года, а земля — прирост. И я стал грабить у неба погоду, а у земли — прирост. Влагу у туч и дождя, недра у гор и равнин. Чтобы посеять для себя семена, вырастить себе зерно, возвести себе ограду и построить себе дом. У суши я отбирал диких зверей и птиц, у воды я крал рыб и черепах. Разве это мне принадлежало? Все это было мною награблено. Ведь семена и зерна, земля и деревья, звери и птицы, рыбы и черепахи порождены природой. Я грабил природу и поэтому остался невредим. Но разве природой даро-

ваны золото и нефрит, жемчуг и драгоценности, хлеб и шелк, имущество и товары? Они собраны человеком! Как же упрекать осудивших тебя людей, если ты у них украл?

Решив в смятении, что Богач снова его обманул, Бедняк отправился к Пржедрожденному.

— Разве не похищено уже само твое тело? — сказал ему Пржедрожженный. — Ведь для того, чтобы дать тебе жизнь и тело, нужно было украсть соединение сил жара и холода. Тем более не обойтись без похищения внешних вещей! Небо, земля и тьма вещей воистину неотделимы друг от друга. А тот, кто думает, что ими владеет, — заблуждается. Грабеж Богача — это общий путь, поэтому он и остался невредим, а твой грабеж — это личное желание, поэтому ты и навлек на себя кару. Захват общего и частного такой же грабеж, как и утрата общего и частного. Общее в общем и частное в частном — таково свой-

ство природы неба и земли. А разве познавший свойства природы неба и земли сочтет кого-то вором, а кого-то не вором?

С

вет спросил у Темноты:

— Вы существуете или не существуете? — но не получил ответа.

Вгляделся пристально в его облик: темное, пустое. Целый день смотри на него — и не увидишь, слушай его — и не услышишь, трогай его — и не дотронешься.

— Совершенство! — воскликнул Свет. — Кто мог бы еще достичь такого совершенства! Я способен быть или не быть, но не способен абсолютно не быть. А Темнота, как она этого достигла?

話舊

卜竹齋

Н

Некий Колдун, по имени Цзи Сянь, переселился из Ци в Чжэн. Точно бог, узнавал он, кто родится, а кто умрет, кто будет жить, а кто погибнет, кого ждет счастье, а кого — беда, кого долголетие, а кого ранняя смерть, и назначал каждому свой срок: год, луну, декаду, день. Завидя его, Чжэнцы уступали ему дорогу.

Лецзы встретился с Колдуном и попал под его чары. Вернувшись, он обо всем рассказал своему Учителю.

— Ваше учение я считал высшим, а теперь познал и более совершенное.

— Я не открывал тебе внешнего, пока ты не постиг сущности, — сказал Учитель. — Как же ты можешь судить об учении? Если рядом с курами не будет петуха, откуда

же возьмутся цыплята! Думая, что постиг учение и можешь состязаться с современниками, ты возгордился, а он все прочел на твоём лице. Приди-ка вместе с ним сюда завтра, пусть он на меня посмотрит.

На следующий день Лецзы явился к Учителю вместе с Колдуном. Когда они вышли, Колдун сказал Лецзы:

— Увы! Твой Учитель скоро умрет, он не проживет и десяти дней. Я видел нечто странное — пепел, залитый водой.

Лецзы пошел к Учителю, зарыдал так, что слезами оросил одежду, и передал ему слова Колдуна.

— Я предстал ему темной массой земли, непостижимой в ее сокровенных переменах. Ему же, верно, привиделось, что жизненной силе во мне прегражден путь. Приди-ка снова с ним сюда.

На другой день Лецзы снова явился с Колдуном.

Когда они вышли, Колдун сказал Лецзы:

— Счастье твоего Учителя, что он встретился со мной. Ему уже лучше. Он совсем ожил. В пепле появилась жизнь. Я заметил, что энергия проникает через преграду.

Лецзы вошел к Учителю и все ему передал.

— На этот раз я предстал перед ним в виде неба и земли, куда нет доступа таким понятиям, как «имя» и «сущность». Жизненная сила во мне исходила из пяток. Вот ему и почудилось, что энергия проникает через преграду. Приди-ка снова с ним сюда.

На другой день Лецзы снова явился с Колдуном к Учителю.

Когда они вышли, Колдун сказал Лецзы:

— Твой Учитель в беспорядке. я не мог даже понять, что с ним происходит. Он в тревоге, трудно читать на его лице. Успокой его, и я снова его навещу.

Лецзы вошел к Учителю и все ему передал. Учитель сказал:

— Я предстал ему великой пустотностью, с которой ничто не сравнится. Вот ему и показалось, что жизненные силы во мне не уравновешены. Приди-ка с ним сюда снова.

На другой день Лецзы вместе с Колдуном снова явился к Учителю. Но не успел Колдун занять свое место, как в растерянности встал и пошел прочь.

— Догони его, — велел Учитель.

Лецзы побежал, но не смог его догнать, вернулся и доложил обо всем Учителю:

— Я не догнал его. Он куда-то исчез! Потерялся!

— Я показал ему свой изначальный образ — каким я был до своего появления на свет. Я предстал перед ним пустым, слабым, покорным, неосяземо-податливым. Неведомо, кто это такой: непонятно, от чего привольно кружится, непонятно, к чему свободно стремится. Он не понял, кто я, какой я, он увидел то

увядание, то стремительное возрождение. Вот и сбежал.

И тогда Лецзы понял, что он еще и не начинал учиться.

Он вернулся домой и три года не показывался на людях. Готовил пищу жене, свиней кормил, как людей, к делам был безучастен, отбросил украшения и вернулся к безыскусной простоте. Словно ком земли, одиноко возвышался он среди мирской суеты, был хаотичен и потому непостижим. Так и прожил он до конца своих дней.

Ч

жуанцзы ловил рыбу в реке.

Правитель направил к нему двух своих сановников с посланием, в котором говорилось: «Хочу возложить на вас бремя государственных дел».

Чжуанцзы, не отложив удочки и даже не повернув головы, сказал:

— Я слышал, что в Чу имеется священная черепаха, которая умерла три тысячи лет тому назад. Правители Чу хранят ее, завернув в шелк и спрятав в ларец, в храме предков. Как вы думаете, что предпочла бы эта черепаха: быть мертвой, но чтобы почитались оставшиеся после нее кости, или быть живой и волочить хвост по грязи?

Оба сановника ответили:

— Предпочла бы быть живой и
волочить хвост по грязи.

Тогда Чжуанцзы сказал:

— Уходите! Я тоже предпочитаю
волочить хвост по грязи.

十竹齋

Х

Хуацзы из Янли потерял память.

Взяв что-то утром, забывал к вечеру, отдав вечером, забывал к утру: идя по дороге, забывал, что надо идти, а в доме забывал, что надо сидеть; сегодня не помнил о том, что было вчера, завтра не помнил о том, что было сегодня. Вся семья о нем очень печалилась. Решили позвать гадалателя. Тот погадал на панцире черепахи, но ответа не дал. Позвали колдуна, тот прочел заклинания, но не прогнал несчастья. Позвали врача, тот долго лечил, но болезнь не прошла.

Наконец вызвался излечить больного некий конфуцианец из царства Лу. Жена и сыновья Хуацзы предложили за снадобья половину

всего своего имущества. Конфуцианец же сказал:

— Эту болезнь невозможно разгадать по линиям на панцире черепахи, невозможно изгнать заклинаниями и вылечить лекарствами. Но я попытаюсь вернуть его к мыслям и заботам. Может быть, и вылечу.

Сначала конфуцианец раздел Хуацзы до ноги, и тот стал искать свою одежду; потом он оставил его голодным, и тот стал искать пищу; потом он запер его в темноте, и тот стал искать света. Конфуцианец обрадовался и сказал родственникам Хуацзы:

— Болезнь поддается лечению. Но мое искусство передается из поколения в поколение тайно, чужие в него не посвящаются. Загородите нас справа и слева и оставьте нас в комнате наелине на семь дней.

Ему подчинились, но никто не узнал, что он делал. Застарелая болезнь прошла за один день.

Хуацзы очнулся и страшно разгневался. Первым делом он выгнал жену, наказал сыновей, а потом с копьем потнался за конфуцианцем. Стражники схватили его и спросили, почему он так поступает. Хуацзы ответил:

— Прежде, утратив память, я был безгранично свободен, не ощущая даже, существуют ли небо и земля. А ныне я все внезапно осознал, мне вспомнились жизни и смерти, приобретения и утраты, радости и печали, любовь и ненависть за многие прошлые жизни. И теперь я страшусь, что с такой же силой поразят мое сердце грядущие жизни и смерти, приобретения и утраты, радости и печали, любовь и ненависть. Сумею ли я когда-нибудь снова хоть на миг обрести забвение!

П

рогуливаясь к северу от Красных вод. Желтый Предок поднялся на вершину горы Союз Старших Братьев, а возвращаясь, загляделся на юг и потерял свою Черную Жемчужину.

Он послал Знание отыскать ее, но оно не нашло. Он послал Видящего Паутину Издали, и тот не нашел. Он послал Спорщика, и тот не нашел. Он послал Подобного Небытию, и Подобный Небытию ее отыскал.

— Как странно, — воскликнула Желтый Предок, — что отыскать ее сумел именно Подобный Небытию!

竹林隱居
丁巳年

Б

ыл у чжоуского царя раб по имени Жердочка Для Птиц. Он умел обращаться с дикими зверями и птицами и, собирая их, кормил во дворе и в саду. Он укрощал и приручал любого хищника, даже тигра и волка, орла и скопу-рыболова. В его присутствии самцы и самки спаривались и размножались, образуя целые стада. Разные виды зверей паслись рядом, не нападая и не кусая друг друга.

Обеспокоенный тем, чтобы искусство раба не умерло вместе с ним, царь приказал ему обучать Садовода.

Тот сказал Садоводу:

— Я — Жердочка — презренный раб. Какое искусство я могу тебе передать? Однако боюсь, как бы государь не обвинил меня в том, что

я утаил от тебя секрет. Я расскажу тебе вкратце, как обращаться с тиграми.

Радоваться, когда потакают, и сердиться, когда перечат — это в природе каждого, в ком течет кровь. Но разве радость и гнев проявляются случайно? Гнев зверя вызывают, когда идут против его воли. Поэтому во время кормежки я не решаюсь давать тигру живого зверя: убивая его, тигр придет в ярость. Я не решаюсь давать и целую тушу: разрывая ее, он придет в ярость. Своевременно я кормлю голодного и узнаю, что приводит его в ярость. Тигр и человек принадлежат к различным видам. Человек потакает тигру, и тигр к нему ласкается; перечит — и тигр его убивает. Но разве решусь я перечить тигру, чтобы привести его в гнев! Но не решусь также и потакать ему, чтобы вызвать у него радость. Ведь от радости он вернется непременно к гневу, а от гнева вернется снова к радости.

Ни тем, ни другим способом я не достигну цели.

И вот теперь, когда у меня нет даже и мысли ни потакать им, ни перечить, птицы и звери принимают меня за своего. Я действую по закону природы. А закон этот в том, чтобы предоставлять каждого самому себе.

Поэтому они и бродят по моему саду, не вспоминая о горных лесах и просторных болотах: засыпают мирно на моем дворе, не стремясь в глубину гор и в тишину долин.

В

о время зимней охоты чжоуский царь Му перевалил через гору Союз Старших Братьев и, не доезжая до горы Янь, повернул обратно. Не успел он въехать в Срединное царство, как на дороге ему встретился мастер по имени Сутулый.

— Что ты можешь? На что способен? — спросил его царь.

— Прикажите испытать меня, своего слугу, — ответил мастер. — Я хочу, чтобы государь сначала посмотрел на то, что его слуга уже сделал.

— Приноси с собой завтра, мы с тобой вместе и посмотрим, — велел Му.

На другой день мастер Сутулый явился к государю. Приняв его, царь спросил:

— Кто это пришел вместе с тобой?

— Это артист, созданный вашим слугой, — ответил мастер.

Му с удивлением осмотрел артиста: он шагал, поднимал и опускал голову, следуя за мастером. Когда мастер коснулся его щеки, артист тут же запел песню, взял его за руку — и он стал танцевать, повинаясь любому желанию мастера, превращался и изменялся он на тысячу ладов. Государь принял его за настоящего человека. Рядом с государем в это время стояли и любовались на представление его приближенные и весь гарем.

Под конец артист подмигнул окружавшим царя женщинам и погнул их к себе. Государь страшно разгневался и приказал казнить мастера Сутулоу на месте. Мастер испугался, в ужасе разрезал и разобрал артиста, показал царю и объяснил, что сделан он из кожи, дерева, клея, лака и раскрашен белым, черным, красным и синим.

Государь тщательно все осмотрел, и все действительно оказалось искусственным: внутри — печень, желчь, сердце, легкие, селезенка, почки, кишки и желудок; снаружи — мускулы, кости, суставы, сочленения, кожа, зубы и волосы, — все было представлено полностью.

Когда мастер собрал все снова, как прежде, государь попробовал вынуть у куклы сердце — и уста замолкли: вынул печень — и глаза ослепли: вынул почки — и ноги стали неподвижными. Царь вздохнул в восхищении и воскликнул:

— Оказывается, человек своим искусством может добиться такого же успеха, что и природа.

Он приказал поместить куклу на вторую колесницу и вместе с нею отправился домой.

Туншу Бань свою осадную лестницу и Мо Ди своего летающего коршуна называли высшим пределом мастерства. Когда же их ученики слышали об искусстве мастера Сутулого и сообщили о нем

своим наставникам. те до конца
жизни не посмели больше говорить
о мастерстве и держались лишь
циркуля и отвеса.

Н

а левом рожке улитки находится царство рода Жун. На правом рожке — царство рода Мань.

Однажды взялись они воевать друг с другом за землю. Людей положили несколько десятков тысяч, за убежавшими охотились десять дней и еще пять. А после этого разошлись по домам.

С

вет спросил у Темноты:

— Вы существуете или не существуете? — но не получил ответа.

Вгляделся пристально в его облик: темное, пустое. Целый день смотри на него — и не увидишь, слушай его — и не услышишь, трогай его — и не дотронешься.

— Совершенство! — воскликнул Свет. — Кто мог бы еще достичь такого совершенства! Я способен быть или не быть, но не способен абсолютно не быть. А Темнота, как она этого достигла?

Ч

еловек, содержащий
обезьян, раздавая им каштаны, од-
нажды сказал:

— Утром я дам вам по три, а
вечером — по четыре.

Все обезьяны пришли в ярость.
Тогда он сказал:

— В таком случае я дам вам
утром по четыре, а вечером — по
три.

Все обезьяны обрадовались.

Без присутствия дао нельзя говорить, но о чем
нельзя говорить — это дао. Без присутствия дао
нельзя помыслить, но о чем помыслить нельзя —
это дао.

ань Ин в старину был замечательным стрелком. Лишь натянет он лук — и звери тут же ложатся, а птицы падают. У него обучался Стремительный Вэй и превзошел в мастерстве своего наставника. К Стремительному Вэю пришел учиться Цзи Чан.

— Сначала научись не моргать, — сказал ему Стремительный Вэй, — тогда и поговорим о стрельбе.

Цзи Чан вернулся домой, лег под ткацкий станок своей жены и стал глядеть, как снует челнок. Через два года он не моргал, даже если его кололи в уголок глаза кончиком шила.

Цзи Чан рассказал об этом Стремительному Вэю, а тот сказал:

— Этого еще недостаточно. Теперь научись смотреть, а потом

можно и стрелять. Научись видеть малое, словно это большое, туманное, словно это ясное.

Чан повесил к окну вошь на конском волосе и стал на нее глядеть, повернувшись лицом к югу. Через десять дней вошь стала расти в его глазах, а через три года уподобилась колесу от телеги, все остальные предметы стали казаться Чану величиной с холм или гору. Взял он тогда лук из яньского рога, стрелу из цзинского бамбука, выстрелил и пронзил сердце вши, даже не порвав волоса.

Рассказал Чан об этом Стремительному Вэю. Стремительный Вэй ударил себя в грудь, затопал ногами и воскликнул:

— Ты овладел искусством!

Тогда Цзи Чан понял, что во всей Поднебесной для него остался лишь один соперник, и задумал он убить Стремительного Вэя.

Оба лучника встретились на пустыре и стали друг в друга стрелять. Стрелы их на середине пути стал-

кивались наконечниками и падали на землю, не поднимая пыли. Но вот у Стремительного Взя иссякли все стрелы, а у Цзи Чана осталась еще одна — последняя. Он выстрелил, но Стремительный Вэй отразил стрелу колючкой кустарника.

И тут оба мастера заплакали, отбросили луки, поклонились друг другу до земли и просили друг друга считаться отцом и сыном. Каждый надкусил себе руку и кровью поклялся никому более не передавать своего мастерства.

Т

ворящий Благо спросил
Чжуанцзы:

— Бывают ли люди без страстей?

— Бывают, — ответил Чжуанцзы.

— Как можно назвать человеком
человека без страстей?

— Почему же не назвать его че-
ловеком, если он имеет облик че-
ловека, и природа дала ему такое
тело?

— Поясните.

— Я называю бесстрастным та-
кого человека, который не губит
свое тело внутри любовью и нена-
вистью. Такого, который всегда сле-
дует естественному, и не добавляет
к жизни искусственного.

— Если не добавлять к жизни ис-
кусственного, — возразил Творящий
Благо, — то как же тогда поддержи-
вать существование тела?

— Природа дала человеку такой облик, природа сформировала такое тело, — повторил Чжуанцзы. — Ты относишься к своему разуму, как к внешнему, и напрасно расходуешь свою энергию: поешь, прислонясь к дереву; спишь, опираясь о столик.

Природа избрала для тебя тело, а ты все время споришь о том, что такое твердое и белое.

дин Дровосек, собирая топливо в глухом лесу, повстречал испуганного оленя, ударил его и убил. Боясь, что кто-нибудь заметит оленя, Дровосек поспешил спрятать его во рву и прикрыть хворостом. Но от радости он вдруг забыл, где спрятал добычу, и решил, что все это случилось во сне.

Дровосек шел по дороге и громко пел о том, что с ним случилось. Песню подслушал прохожий, пошел в лес и нашел оленя. Придя домой, он сказал своей жене:

— Дровосек во сне добыл оленя, но забыл, где он находится. Теперь же я его нашел. Дровосек воистину видел вещий сон.

Жена возразила:

— А не приснилось ли тебе, что Дровосек добыл оленя? Откуда взял—

ся Дровосек? Поистине, это ты добыл оленя, значит твой сон и был вещим.

Муж ответил:

— Зачем разбираться, кому приснилось — ему или мне? Я же добыл оленя!

Дровосек вернулся домой, но никак не мог примириться с потерей оленя. Той же ночью в вещем сне увидел он место, где спрятал оленя, и того человека, который нашел оленя. На следующее утро Дровосек отыскал приснившегося ему человека, а затем пошел в суд спорить из-за оленя.

Судья сказал:

— Если ты сначала действительно добыл оленя, то напрасно называешь это сном. Если же на самом деле ты добыл оленя во сне, то напрасно называешь это действительностью. Если прохожий на самом деле взял твоего оленя, то спорит он с тобой из-за оленя. Если же его жена говорит правильно, и он узнал о чужом олене во сне, тогда никто

не добывал оленя. Однако вот доказательство — олень. Прошу разделить его на две части, и пусть узнает об этом царь.

Когда царю все рассказали, он сказал:

— Увы! А не видел ли и сам судья во сне, что разделил чужого оленя?

Царь спросил совета у своего помощника. Помощник сказал:

— Ваш слуга не может разобраться, сон это был или не сон. Отличить сон от яви могли лишь Желтый Предок и Конфуций. Кто же их различит, если нынче нет среди нас ни Желтого Предка, ни Конфуция. А это значит, что впосле можно довериться решению судьбы.

死山
古松山房

В

о время своих странствий Конфуций заметил однажды Старого Юна, который бродил по пустынным окрестностям Че. Одетый в оленью шкуру и подпоясанный веревкой, он играл на цине и пел.

— Чему вы так радуетесь, Преждерожденный? — спросил его Конфуций.

— Я радуюсь многому, — ответил тот. — Природа рождает тьму существ, но самое ценное из них — человек. И мне удалось стать человеком. Такова моя первая радость. Мужчины и женщины отличаются друг от друга, мужчин уважают, а женщин презирают, поэтому мужчина ценится выше. И мне удалось родиться мужчиной. Такова моя вторая радость. Человеку порой случается не прожить дня или месяца,

и он умирает, не освободясь даже от пленок. А я дожил уже до девяноста лет. Такова моя третья радость.

Быть бедным — это правило мужа, а смерть — это конец человека. Так зачем же горевать, если я обрету конец, оставаясь верным правилу?

— Как это прекрасно! — воскликнул Конфуций — Как вы умеете утешать самого себя!

П

риносящий Жертвы. Носильщик. Пахарь и Приходящий. беседуя, поведали друг другу:

— Кто может считать небытие головой, жизнь — позвоночником, смерть — поясницей: кто знает, что смерть и жизнь, существование и исчезновение — это единое целое, с тем мы могли бы подружиться. Все четверо посмотрели друг на друга и рассмеялись, и так как в своих сердцах они соглашались друг с другом, то все они подружились.

Но вдруг Носильщик заболел, и Приносящий Жертвы отправился его навестить.

— Это грандиозно! — воскликнул больной. — Вот как творец всех вещей скрутил меня судорогой!

Кривым горбом изогнулась его спина, внутренности поднялись

кверху, подбородок спрятался в пупке, плечи поднялись выше макушки, а изогнутые позвонки шеи шишками торчали в небо. Жизненные силы начал инь и ян находились в нем в беспорядке, однако, сердце его было спокойно и свободно от забот. Медленно дотащившись до колодца и посмотрев на свое отражение, он сказал:

— Ого! Вот как творец всех вещей скрутил меня судорогой!

Услышав это, Приносящий Жертвы сказал:

— Тебе это не нравится?

— Нет, почему мне это должно не нравится? — ответил Носильщик. — Предположим, что он превратил бы мою левую руку в петуха, тогда я бы пользовался ею, чтобы петушиным пением отмечать ночное время. Предположим, что он превратил бы мою правую руку в самострел, тогда я бы пользовался ею, чтобы добывать голубей на жаркое. Предположим, что он превратил бы мой крестец в колесницу, а мою

душу в лошадь, тогда я бы пользовался ими, чтобы ездить на них. Разве стал бы я менять этот экипаж? К тому же приобретение жизни — временное явление, а ее потеря следует за ее приобретением. Если довольствоваться этим временем и жить, следуя этому, то печаль и радость не смогут проникнуть в сердце. Это и есть то, что древние называли освобождением от пут. А кто не способен освободить себя, того опутывают внешние вещи. К тому же испокон веков внешние вещи не могут одолеть природу. Почему же это должно мне не нравиться?

Внезапно заболел Приходящий. Близкий к смерти, он лежал, тяжело дыша, а вокруг стояли его жена и дети, заливаясь слезами.

Пахарь, который навестил его, чтобы спросить о здоровье, прикрикнул на них:

— Прочь! Уйдите отсюда! Не тревожьте его в момент перемены!

Затем, опершись о дверь, заговорил с Приходящим:

— Это грандиозно! Что же еще сделает с тобой творец перемен? Куда тебя направит? Сделает из тебя печень крысы? А может, он сделает из тебя ножку насекомого?

Умиравший ответил:

— Куда бы родители не отправили сына — на восток или на запад, на юг или на север, он должен лишь повиноваться их приказу. А ведь начала инь и ян — нечто большее для человека, чем отец и мать. Если они торопят меня умереть, а я не повинуюсь, то окажусь дерзким, а разве они в чем-нибудь виноваты? Природа снабдила меня телом, дала мне жизнь, дала мне отдых в старости и успокоит смертью. Поэтому то, что сделало прекрасным мою жизнь, сделает прекрасным и мою смерть. Если бы ныне тот, кому лишь только придается форма человека, стал кричать: «Хочу быть человеком! Хочу быть человеком!», то творец перемен непременно счел

бы его плохим человеком. Стоит только принять небо и землю за большую плавильную печь, а творца перемен за великого литейщика, то разве найдется такое место, куда нельзя было бы отправиться? Рождение, как сон, а смерть, как пробуждение.

若言

十竹齋寫

Ч

жуанцзы увиделся с луским царем. и тот ему сказал:

— В Лу много конфуцианцев. но мало ваших последователей.

— В Лу мало конфуцианцев. — возразил Чжуанцзы.

— Как же можно говорить. что их мало. когда по всему моему царству ходят люди в конфуцианских одеждах?

— Я слышал. будто конфуцианцы носят круглую шапку в знак того. что они познали бремя небес. — сказал Чжуанцзы. — Я слышал. будто они ходят в квадратной обуви в знак того. что познали форму земли: подвешивают к поясу на

разноцветном шнуре нефритовое наперстье для стрельбы в знак того, что решают дела немедленно.

Благородные мужи, обладающие этим учением, вряд ли носят такую одежду, а те, кто носит, вряд ли знают это учение. Вы, государь, конечно, думаете иначе. Но почему бы вам не объявить по всему царству: «Те, кто носят такую одежду, не зная этого учения, будут приговорены к смерти!»

И тогда царь велел оглашать этот указ пять дней, и в Лу не посмели больше носить конфуцианскую одежду.

Лишь один муж в конфуцианской одежде остановился перед царскими воротами. Царь сразу же его призвал, задал вопрос о государственных делах, и тот, отвечая, оказался неистощимым в тысяче вариантов и тьме оттенков.

— Во всем царстве Лу лишь один
конфуцианец, — удивленно вос-
кликнул царь.

— Вот это действительно много, —
сказал Чжуанцзы.

Ц

арь читал нараспев книгу в зале, а подле зала тесал колесо колесный мастер Маленький. Отложив молоток и долото, мастер вошел в зал и спросил:

— Осмелюсь ли задать вопрос: что за слова, вы, государь, распеваете?

— Это слова мудрецов. — ответил царь.

— А живы ли те мудрецы?

— Нет. Они уже умерли.

— Значит государь повторяет лишь отголоски тленных душ древних людей?

— Как смеешь ты, жалкий колесный мастер, рассуждать о книге, которую читаю я? Если тебе есть что сказать — говори, а нечего — так умрешь!

— Я, ваш слуга, отнесся к этому, как к своему делу, — ответил колесный мастер Маленький. — Если я работаю медленно, мне легко, но колесо получается непрочным. Если я спешу, мне тяжело, а колесо не прилаживается. Когда же не спешу и не медлю, то овладеваю мастерством руками и откликаюсь сердцем. Но уста мои безмолвствуют — в этом есть какой-то секрет. Я не могу передать его сыну. Сын слуги также не способен воспринять его от меня. От того-то, проработав семь десятков лет, я все еще мастерю колеса. Еще менее способны передать свое мастерство древние люди. Они мертвы, и значит то, что повторяет государь, — лишь отголоски тленных душ древних людей.

丁巳仲夏
 平山隱居
 畫

З

вание, путешествуя на Север, вверх по реке Черная Вода, поднялось на гору Таинственный Холм и встретило там Осуществляющего Недеяние.

Обратившись к нему, Знание сказало:

— Я хотело бы тебя спросить: как мыслить, как думать, чтобы познать дао? Где находиться, как действовать, чтобы пребывать безмятежно в дао? Чему следовать, какой дорогой идти, чтобы обрести дао?

Три вопроса были заданы Знанием, однако, Осуществляющий Недеяние на них не ответил. И не только не ответил, но и не знал, что ответить.

Не получив ответа, Знание отправилось на юг, вверх по реке Белая Вода, поднялось на холм

Конец Сомнений и увидело там Возвышающегося Безумца. Знание задало ему те же вопросы, и Возвышающийся Безумец сказал:

— О! Я все это знаю и сейчас тебе объясню!

Однако только он собрался вымолвить слово, как тут же забыл, что хотел сказать.

Не получив ответа, Знание вернулось во дворец и предстало перед Хуанди.

— Нигде не находиться и ни в чем не усердствовать — это начало безмятежного пребывания в дао. Ничему не следовать и не идти никакой дорогой — это начало обретения дао. — сказал Хуанди.

Тогда Знание спросило у Хуанди:

— Мы с тобой это знаем, а те двое этого не знали. Кто же тогда прав?

— Истинно прав Осуществляющий Недеяние, а приближается к этому Возвышающийся Безумец, — ответил Хуанди. — А мы с тобой никогда к этому не прибли-

зимся, ибо «тот, кто знает, не говорит, а тот, кто говорит, не знает». Поэтому совершенномудрый осуществляет науку безмолвия. Дао нельзя постичь при помощи слов. Добродетель не может достичь совершенства при помощи названий, милосердие не может действовать беспристрастно, справедливость может причинить ущерб, церемониями можно лишь обманывать друг друга. Поэтому и говорится: «После утраты дао появляется добродетель, после утраты добродетели появляется милосердие, после утраты милосердия появляется справедливость, а после утраты справедливости появляются церемонии.

Церемонии — это внешний блеск дао и начало беспорядка.

Поэтому и говорится: «Тот, кто упражняется в дао, ежедневно теряет что-то из его внешнего, ложного блеска. Потеряв, снова теряет и так доходит до недеяния. А осуществляя недеяние, он может все совершить».

Жизнь — это преемник смерти, а смерть — это начало жизни. Кому известен закон этого превращения? Рождение человека — это скопление жизненной силы: когда она скопится, возникает жизнь, а когда рассеется — возникает смерть. Если жизнь и смерть — это преемники друг друга, то о чем же тогда сожалеть? Поэтому все вещи одинаковы. Красивое и необыкновенное — вот что превозносится, а вонючая грязь — вот чего гнушаются. Однако вонючая грязь неизменно превращается в красивое и необыкновенное, а красивое и необыкновенное снова превращается в вонючую грязь.

Поэтому и говорится: «Всю Поднебесную пронизывает единая жизненная сила», и поэтому мудрый ценит это единство.

Тогда Знание сказало Хуанди:

— Я спросило Осуществляющего Недеяние, и он мне не ответил. И не только не ответил, но и не знал, что ответить. Затем я спросило Возвышающегося Безумца. Возвыша-

ющийся Безумец уже намеревался мне ответить, но так ничего и не сказал. И не то, чтобы просто не сказал — намеревался сказать, но забыл, что хотел сказать.

Теперь я спросило тебя, и ты знал ответ на мои вопросы. Но почему же мы не приблизимся к дао?

Хуанди ответил:

— Один из них, Осуществляющий Недеяние, истинно прав, ибо он не знает. Второй из них, Возвышающийся Безумец, приближается к этому, так как он забыл, что он знал.

Мы же с тобой никогда к этому не приблизимся из-за нашего знания.

Услышав об этом, Возвышающийся Безумец подумал, что Хуанди знал изначальные слова.

Ц

зи Синцы тренировал бойцового петуха для царя.

Прошло десять дней, и царь спросил:

— Готов ли петух?

— Еще нет. Пока самонадеян, попусту кичится.

Прошло еще десять дней, и царь снова задал тот же вопрос.

— Пока нет. Бросается на каждую тень, откликается на каждый звук.

Прошло еще десять дней, и царь снова спросил о том же.

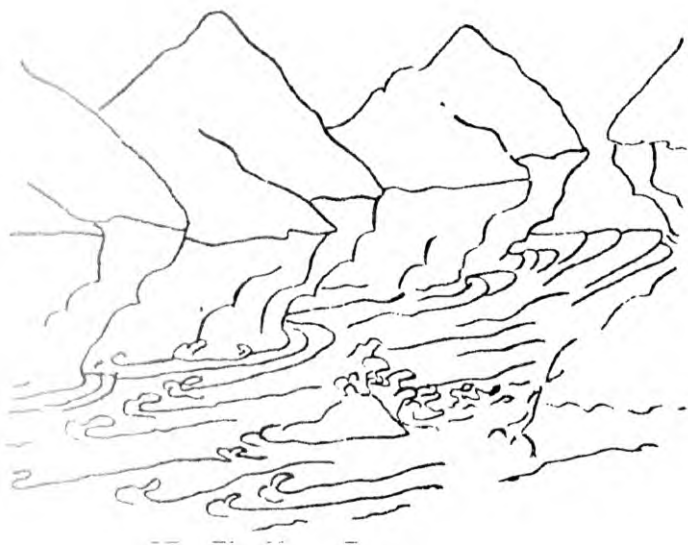
— Пока нет. Смотрит гневно и силу норовит показать.

Через десять дней царь снова задал тот же вопрос.

— Почти готов, — сказал Цзи Синцы. — Не встревожится, даже если рядом закричит другой петух.

Взгляни на него — будто вырезан из
дерева. Полнота его свойств совер-
шенна. На его вызов не посмеет
откликнуться ни один петух — по-
вернется и тут же сбежит.

Сетью пользуются при рыбной ловле. Наловив же рыбы, забывают про сеть.

Ловушкой пользуются при ловле зайцев. Поймав же зайца, забывают про ловушку..

Словами пользуются для выражения мысли. Обретя же мысль, забывают про слова.

Где бы мне отыскать забывшего про слова человека, чтобы с ним поговорить!

Ч

еловек по имени Бо сла-
вился своей силой.

О нем рассказали царю. Царь
приготовил дары, чтобы его пригла-
сить, и Бо явился.

При виде его немощной фигуры
в сердце царя закралось подозрение.

— Какова твоя сила? — спросил
он с сомнением.

— Силы моей хватит лишь на то,
чтобы сломать ногу весенней саран-
чи да перебить крыло осенней ци-
кады.

— У моих богатырей хватит силы,
чтобы разорвать шкуру носорога и
утащить за хвост девять буйво-
лов! — в гневе воскликнул госу-
дарь. — Как же ты мог прославить-
ся силой на всю Поднебесную, если
способен лишь сломать ногу весен-

ней саранчи да перебить крыло
осенней цикады?

— Хорошо! — глубоко вздохнув,
сказал Бо. — На вопрос царя я ос-
мелюсь ответить правду. Учил меня
Наставник с Шан-горы. Равного ему
по силе не найдется во всей Под-
небесной. Но никто из его родичей
об этом не знал, ибо он никогда к
силе не прибегал. Я служил ему,
рискуя жизнью, и тогда он поведал
мне:

Все хотят узреть невиданное —

Ты же смотри на то, на что другие
не глядят.

Все хотят овладеть недоступным —

Ты же займись тем, чем никто не
занимается.

Поэтому тот, кто учится видеть,
начинает с повозки с хворостом, а
тот, кто учится слышать — с удара
в колокол. Ведь то, что легко внутри
тебя, не трудно и вне тебя. Если не
встретятся внешние трудности, то и
слава не выйдет за пределы твоей
семьи.

Ныне слава обо мне дошла до правителей, а это значит, что я нарушил завет учителя и проявил свои способности. Правда, слава моя не в том, чтобы своей силой злоупотреблять, а в том, как пользоваться своей силой. Разве это не лучше, чем злоупотреблять своей силой?

С

ын Яня в детстве был очень умным, но когда вырос, совсем потерял рассудок: пение он принимал за плач, белое — за черное, аромат — за зловоние, сладкое — за горькое, плохой поступок — за хороший. Все, о чем бы он ни думал, он понимал наоборот: небо и землю, четыре стороны света, воду и огонь, жару и холод.

Некий человек посоветовал отцу:

— Почему бы тебе не навестить благородных мужей в Лу? Среди них много искусных и талантливых. Возможно, и сумеют его вылечить?

Отец безумного направился в Лу, но, проходя через Чэнь, встретился с Лаоцзы и рассказал ему о признаках болезни сына.

— Почему ты думаешь, что твой сын безумен? — спросил его Лаоцзы. — Нынче все в Поднебесной заблуждаются в том, что истинно, а что ложно, что выгодно, а что убыточно. Одной болезнью страдают многие, поэтому никто ее и не замечает. К тому же, безумия одного человека недостаточно, чтобы перевернуть всю семью; безумия одной семьи недостаточно, чтобы перевернуть всю общину; безумия одной общины недостаточно, чтобы перевернуть все царство; безумия одного царства недостаточно, чтобы перевернуть всю Поднебесную. И даже если весь мир станет безумным, кто сумеет его перевернуть? Вот если бы умы у всех в Поднебесной стали такими же, как у твоего сына, тогда ты, напротив, стал бы безумным. Кто сумел бы тогда управлять радостью и печалью, звуком и цветом, дурным вкусом и тонким, истинным и ложным? Ведь и мои слова могут быть безумны, а уж

речи благородных мужей из Лу —
самые безумные. Как же могут
они исцелить от безумия другого?
Лучше тебе поскорее возвратиться
домой, чем напрасно расходовать
провиант на дорогу.

Ж

рец в парадной одежде и в шапке, войдя в хлев для жертвенных животных, спросил Кабана:

— Почему ты так боишься смерти? Разве тебе не нравится, что три луны я стану тебя откармливать, десять дней буду поститься, три дня бодрствовать и только потом, подставив белый пырей, я положу твои лопатки на резную жертвенную подставку?

Заботившийся о Кабане сказал:

— Лучше уж кормиться отрубями и мякиной и жить в простом хлеву.

Заботившийся о Себе сказал:

— Лучше всего быть почитаемым, обладателем колесницы с высоким передком и парадной шапки, а умереть — так пусть похоронят в

дорогом гробу на разукрашенной
погребальной колеснице.

Заботившийся о Себе предпочел
то, от чего отказался Заботившийся
о Кабане. Чем же отличается он от
Кабана?

Л

о дороге в царство Чу Конфуций вышел из леса и увидел Торбуна, который ловил цикад так ловко, будто подбирал их с земли.

— Какое искусство! — воскликнул Конфуций. — Как ловко тыловишь цикад. Скажи, есть ли у тебя какой-нибудь секрет?

— У меня есть секрет, — ответил Торбун. — В пятую-шестую луну, когда наступает время охоты на цикад, я кладу на кончик своей палки шарики. Если я смогу положить друг на друга два шарика, я не упущу много цикад. Если мне удастся положить три шарика, я упущу одну из десяти. А если я смогу удержать пять шариков, то поймаю всех без труда. Я стою, словно старый пенёк, руки держу, словно сухие ветки. И в целом ог-

ромном мире, среди всей тьмы вещей меня занимают только крылатые цикады. Я не смотрю по сторонам и не променяю крылышки цикады на все богатства мира. Могли я не добиться желаемого?

Конфуций повернулся к своим ученикам и сказал:

— Вот как говорит этот человек! Воля его не рассеивается по сторонам, а собирается и ступается единым комом.

А Горбун ответил:

— Эх вы, длиннополые ученики! Вам никогда не узнать того, о чем вы меня спрашиваете. Вы заботитесь о своем поведении и утруждаете себя лишь пустыми речами.

Л

ецзы спросил Старого
Шнаа:

— Настоящий человек идет под водой и не захлебывается, ступает по огню и не обжигается, идет над тьмой вещей и не трепещет. Дозвольте вас спросить, как можно этого добиться?

— Этого добиваются не знаниями и не ловкостью, — ответил Старый Шан, — не смелостью и не решительностью, а сохранением своей чистоты. Я поведаю тебе об этом.

Все, что обладает формой и наружным видом, звучанием и цветом, — это вещи. Различаются они только в свойствах. Как же могут одни вещи отдаляться от других? Разве этого достаточно для превосходства одних над другими? Обретает истину лишь тот, кто сумел

понять и охватить до конца весь процесс создания вещей из бесформенного, и понять, что процесс этот прекращается с прекращением изменений. Держась меры бесстрастия, скрываясь в неимеющем начала времени, тот, кто обрел истину, будет странствовать там, где начинается и кончается тьма вещей. Он добивается единства своей природы, чистоты, полноты свойств, для того, чтобы проникать в процесс создания вещей. Природа у того, кто так поступает, хранит свою целостность, в жизненной энергии у него нет недостатка. Разве проникнут в его сердце печали?

Ведь пьяный при падении с повозки, даже очень резком, никогда не разобьется до смерти. Кости и суставы у него такие же, как и у других людей, а повреждения иные, ибо душа у него целостная. Сел в повозку неосознанно и упал неосознанно. Мысли о жизни и смерти, удивление и страх не нашли места в его голове, поэтому, сталкиваясь

с предметом, он не сжимался от страха.

Если человек обретает подобную целостность от вина, то какую же целостность должен он обрести от природы! Мудрый человек сливается с природой и поэтому ничто ему не может повредить.

П

ропал у одного человека топор.

Подумал он на сына своего соседа и стал к нему приглядываться: ходит, как укравший топор, глядит, как укравший топор, говорит, как укравший топор. — словом, каждый жест, каждое движение выдавали в нем вора.

Но вскоре этот человек стал копать землю у себя в саду и нашел топор. На другой день он снова увидел сына своего соседа: ни жестом, ни движением, ни взглядом не походил тот на вора.

明月松間照
石上流
竹上青

Однажды Повелитель отправился с сотней тысяч человек на огневую охоту в Срединные горы.

С помощью высокой травы охотники подожгли лес, и пламя охватило его на сотни ли вокруг. И тут из каменного утеса, возвышавшегося над лесом, вышел человек, который поднимался и опускался вместе с дымом над землей. Все решили, что это душа покойника. Пройдя через огонь, будто его и не было, человек вышел на поляну.

Повелитель удивился, задержал его и незаметно осмотрел. Фигурой, цветом, семью отверстиями в голове — это был человек; по дыханию и голосу — тоже человек. И тогда государь спросил:

— С помощью какого секрета живешь ты в камне? С помощью

какого секрета проходишь через огонь?

— Что называешь камнем? Что называешь огнем? — спросил его тот.

— То, откуда ты недавно вышел, называется камнем; а то, через что недавно прошел — огнем.

— Не ведаю, — ответил тот.

Услышав эту историю, вэйский царь Прекрасный спросил Цзыся:

— Что это был за человек?

— Я слышал от своего учителя, что человек, который обрел гармонию, во всем подобен другим вещам. Ничто не может его ни поранить, ни остановить. Он же может все — и проходить через металл и камень, и ступать по воде и пламени.

— А почему же ты этого не делаешь?

— Я, государь, еще не способен открыть свое сердце и освободиться от знаний. Хотя и пытаюсь говорить об этом, когда у меня есть досуг.

— А почему этого не делает твой учитель?

— Мой учитель способен это сделать, — ответил Цзыся. — Но он способен также и не делать этого.

И

скусный Молот чертил круги и квадраты точнее, чем с циркулем и наугольником.

Вещи изменялись, как в природе, вместе с движением его пальцев, а мысль его на них не задерживалась. Поэтому его разум оставался целостным и не знал пут. Он забывал о своих ногах — лишь бы обувь была в пору. Он забывал о поясице — лишь бы был удобный пояс. В знаниях забывал об истинном и ложном — лишь бы были по сердцу. Не изменялся внутренне, не следовал за внешним, сообразуясь с каждым случаем.

Начал сообразовываться, и, всегда со всем сообразуясь, он забыл о сообразности своего пристрастия к сообразности.

Б

родя по склону горы. Чжуанцзы увидел огромное дерево с пышными ветвями и листвой. Лесоруб остановился около дерева, но его не выбрал.

— Почему не рубишь? — спросил Чжуанцзы.

— Ни на что не годное, — ответил Лесоруб.

— Дерево негодное, а поэтому может дожить до своего естественного конца, — заметил Чжуанцзы, спустился с горы и остановился в доме своего старого друга.

От радости друг велел мальчишке-рабу зарезать гуся и сварить.

— Разрешите узнать, — спросил мальчишка, — какого из гусей резать: того, который может петь, или того, который не может?

— Режь того, который не может петь, — ответил хозяин.

На другой день ученики спросили Чжуанцзы:

— Дерево на горе может дожить до своего естественного конца, так как ни на что не годно. Как бы вы, Преждерожденный, определили эту годность для себя?

— Я, Чжоу, поместился бы между годным и негодным.

Сказав «между годным и негодным» как будто определил, а на самом деле нет. Поэтому неизбежны и затруднения. Но все иначе, если парить и странствовать, оседлав природные свойства. Подобно то дракону, то змее, без славы и хулы, развиваться вместе со временем, не соглашаясь, предаться чему-либо одному. То вверху, то внизу, лишь в гармонии парить и странствовать у предка всей тьмы вещей, как вещь рядом с вещью, а не как вещь для вещи. Откуда же тогда возмущаются затруднения? Таковы были Желтый Предок и Священный Землепашец.

Иначе обстоит дело с теми, кто говорит о всей тьме вещей, об отношениях между людьми: единое разделяют, созданное разрушают, честных унижают, почитаемых низвергают, деятельным несут неудачи, добродетельных стремятся перехитрить, бесполезных — обмануть. Разве из этого не возникнут затруднения? Увы! Запомните, ученики! Вам остается лишь одно — область природных свойств!

З

ащита Разбойников стрелял на глазах у Темнеющего Ока.

Натянул тетиву до отказа, поставил на предплечье кубок с водой и принялся целиться. Сначала пустил одну стрелу, а за ней другую и третью, пока первая была еще в полете. И все время он оставался неподвижным, подобным статуе.

— Это мастерство при стрельбе, но не мастерство без стрельбы, — сказал Темнеющее Око. — А смог бы ты стрелять, если бы пошел со мной на высокую гору и встал на камень, висящий над пропастью?

И тогда Темнеющее Око поднялся на высокую гору, встал на камень, висящий над пропастью, отступил назад до тех пор, пока его ступни до половины не оказались в воздухе.

Знаком он подозвал к себе Защиту Разбойников. Но тот испугался и лег лицом на землю, обливаясь потом с головы до пят.

— У настоящего человека, — сказал ему Темнеющее Око, — душевное состояние не меняется. глядит ли он вверх в синее небо, проникает ли вниз к Желтым источникам, странствует ли ко всем полюсам или стоит на месте. Ничто не может угрожать ему. Тебе же сейчас хочется зажмуриться от страха. Так знай — опасность таится в тебе самом!

Ц

зи Лян заболел и на седьмой день болезнь его усилилась.

Сыновья, оплакивая, окружили его. Позвали лекаря.

— Какие неразумные у меня сыновья, — сказал Цзи своему другу. — Не споешь ли ты вместо меня им в поучение?

Друг запел:

Чего никто не знает,
Откуда узнать человеку?
То, что лишь мы с тобою
Двое на свете знаем.
Разве узнает лекарь,
Разве колдун узнает?

Но сыновья Цзи Ляна ничего не поняли и пригласили в конце концов сразу трех лекарей. Первого звали Обманщик, второго — Поддакивающий Больному, а третьего — Никого Не Лечащий.

Осмотрели они больного, и сказал
Обманщик:

— В твоём теле неравномерны
холод и жар, неуравновешены пус-
тое и полное. Болезнь твою вызва-
ли не Небо и не души предков. Она
происходит и от голода, и от пре-
сыщения, и от вожделения, и от
наслаждения, и от забот душевных,
и от беззаботности. Но, несмотря на
это, я постепенно ее одолею.

— Лекарь, каких много, — за-
ключил Цзи Лян и приказал его
прогнать.

Поддакивающий Больному ска-
зал:

— У тебя с самого начала, еще
во чреве матери, не хватало жиз-
ненной энергии, материнского же
молока ты получал в избытке. При-
чина болезни возникла постепенно,
не за одно утро и не за один вечер,
и вылечить тебя нельзя.

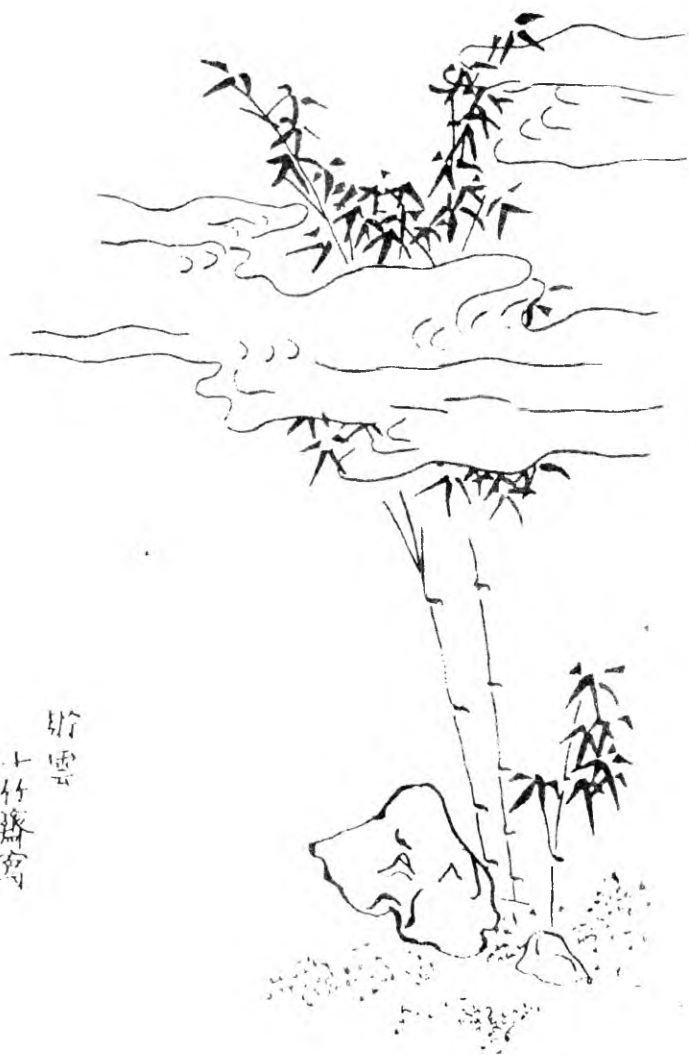
— Хороший лекарь, — заключил
Цзи Лян и приказал его накормить.
Никого Не Лечащий сказал:

— Болезнь твоя не от Неба, не от человека и не от душ предков. От природы родилась и с телом оформилась. Мы ведаем о ней настолько, насколько ею управляет естественный закон. Чем же помогут тебе лекарства и уколы камнем?

— Это настоящий лекарь, — заключил Цзи Лян и, щедро наградив его, отпустил.

А болезнь Цзи Ляна вдруг сама собой прошла.

竹雲

十竹齋寫

Чжуанцзы отправился по-
видаться с Творящим Благо, кото-
рый служил первым советником у
царя. Некто, обратившись к совет-
нику, сказал:

— Прибывает Чжуанцзы. Он
хочет отобрать у вас пост первого
советника.

Творящий Благо, испугавшись,
отдал приказ найти Чжуанцзы и
схватить его. Его искали по всей
стране три дня и три ночи.

Чжуанцзы, прибыв к нему, ска-
зал:

— На юге живет птица по имени
Феникс. Знаешь ли ты об этом? Она
взмывает в воздух в Южном оке-
ане и летит к Северному океану,
останавливается на отдых только на
платанах, ест только плоды бамбука

и пьет воду только из кристальных
пресных родников.

Однажды какая-то сова нашла
разлагающуюся крысу. Когда птица
Феникс пролетала над ней, сова,
подняв голову и посмотрев на нее,
отпугивающе ухнула.

Не хочешь ли и ты сейчас запу-
гать меня при помощи твоего го-
сударства?

днажды в полночь царь увидел во сне, как человек с распущенными волосами заглянул к нему из-под крыши и сказал:

— Я пришел из морской пучины. Я — посланец к тебе. Меня поймал рыбак Провидец.

Царь проснулся и велел разгадать сон. Гадание гласило: «Это священная черепаха».

— Есть ли среди рыбаков Провидец? — спросил царь.

— Есть, — ответили слева и справа.

— Повелеваю Провидцу явиться ко двору, — приказал царь.

На другой день Провидец явился, и государь спросил:

— Что поймал?

— В мои сети попалась седая черепаха, — ответил тот, — круглая и большая.

— Поднеси мне свою черепаху, — велел царь.

Когда черепаху доставили, царя охватили сомнения: то хотелось ее убить, то хотелось оставить в живых. Гадание же о ней гласило: «Убить черепаху для гадания — к счастью!» Тогда черепаху зарезали. Семьдесят два раза прижигали ее панцирь, и все записи на бирках подтвердились.

— Священная черепаха сумела явиться во сне царю, — сказал Чжуанцзы, — но не сумела избежать сетей Провидца. Ее знаний хватило на семьдесят два гадания — все записи на бирках подтвердились, но у нее не хватило знаний избежать беды — быть выпотрошенной. Так что и знания приносят трудности, и священному чего-то не хватает. Даже того, кто обладает высшим знанием, пере-

хитрит тьма людей. Рыба не боится
сетей, а боится розового пеликана.

Откажись от малого знания, и
проявится большое знание. Отка-
жись от доброты, и проявится ес-
тественная доброта.

Ч

етыре человека — Плут, Обидчивый, Медлительный и Вспыльчивый — бродили вместе по свету. Каждый из них соответствовал своим наклонностям. До конца дней они так и не узнали друг друга, но каждый считал свои знания самыми глубокими.

Четыре человека — Говорун, Простак, Неотесанный и Подлиза — бродили вместе по свету. Каждый из них соответствовал своим наклонностям. До конца дней они так и не поведали друг другу своих секретов. Но каждый считал свое мастерство самым тонким.

Четыре человека — Коварный, Искренний, Заика и Хулитель — бродили вместе по свету. Каждый из них соответствовал своим наклонностям. До конца дней они так

и не поняли друг друга, но каждый считал, что своим талантом достигнет успеха.

Четыре человека — Лицемер, Зануда, Отчаянный и Робкий — бродили вместе по свету. Каждый из них соответствовал своим наклонностям. До конца дней они не порицали друг друга, но каждый считал свои поступки безупречными.

Четыре человека — Сговорчивый, Самовластный, Захватчик и Одиночка — бродили вместе по свету. Каждый из них соответствовал своим наклонностям. До конца дней они даже не взглянули друг на друга, но каждый считал себя отвечающим своему времени.

Так действует толпа.

По внешности различные, все люди объединяются Путем и подчиняются судьбе.

大竹斎
八十八年五月

Н

Некий царь прогуливался по склону горы.

Приближаясь с севера к стене столицы, он вдруг заплакал и стал восклицать:

— Ах, как прекрасно мое царство! Как великолепны растения! Как хороши капли росы! Неужели мне придется покинуть это царство и умереть? Если бы прежние цари не умирали, и мне не пришлось бы уходить отсюда куда-то.

Вместе с ним зарыдали и приближенные.

— Благодаря милостям государя, мы, ваши слуги, можем питаться грубым зерном и плохим мясом, — причитали они, — можем ездить на кляче и в плетеной повозке. И если

даже мы не хотим умирать, то что же тогда говорить о нашем государе?

И только Янь, стоя в стороне, тихо засмеялся.

Царь вытер слезы и, обернувшись к нему, сказал:

— Я опечалился. Вторя мне, зарыдали мои приближенные. Почему только ты один засмеялся?

— Я засмеялся, глядя на ваших слуг, — ответил Янь. — Ведь если бы добродетельные и отважные навсегда сохраняли трон, то он до сих пор был бы занят. Другие цари занимали бы его, а наш государь в плаще и шапке из соломы стоял бы посредине поля и заботился бы только об урожае.

Где взял бы он тогда досуг, чтобы раздумывать над смертью? Как смог бы мой государь обрести этот трон? Лишь благодаря тому, что те цари, сменяясь, занимали трон и

покидали его, перешел он и к вам, государь. И плакать из-за этого — недостойно. А засмеялся я потому, что увидел недостойного царя и его слуг-льстецов.

Б

лиз Восточных ворот жил некий У.

Когда у него умер сын, он совсем не горевал, и домоуправитель спросил его:

— Почему вы не горюете о смерти сына? Ведь вы, господин, так любили своего сына, как никто в Поднебесной!

— Зачем же мне горевать? — ответил У, который жил близ Восточных ворот. — Прежде у меня не было сына. Когда у меня не было сына — я не горевал. Теперь сын умер. Его нет также, как не было прежде. Поэтому я и не горюю.

Ж

и в царстве Цзинь человек по имени Процветающий.

Перед ним преклонялось все царство. Войдя в милость цзиньского царя, он не служил, а место занимал справа от трех старших сановников. Того, кто удостоился благосклонного взгляда Процветающего, в царстве Цзинь жаловали титулом; того, кто заслужил его бранное слово, из царства Цзинь изгоняли. Посещение дома Процветающего приравнивалось к приему у царя.

Этот человек приказывал своим удалцам завязывать драки: умные обижали глупых, сильные подавляли слабых. Он не беспокоился, даже если оставались раненые и убитые.

Дни и ночи проходили в таких забавах, которые вошли в обычай во всем царстве.

Однажды первые удалыцы Процветающего — Хэ и Цзы — отправились за город и заночевали в хижине старика землепашца Кая с Шан-горы. В полночь Хэ и Цзы заговорили друг с другом о славе и могуществе Процветающего: о том, как он будто бы властен погубить живого и оживить мертвого, богатого сделать бедняком, а бедного — богачом.

Кай с Шан-горы, давно уже страдавший от голода и холода, притаился у северного окна и подслушал их беседу. Затем он занял в долг зерна, сложил в корзину, взвалил ее себе на спину и отправился к воротам Процветающего.

В свите Процветающего состояли родовитые люди. Одетые в белый шелк, они разъезжали в колесницах или не спеша прохаживались, рассматривая на всех свысока.

Заметив Кая с Шан-горы, старого и слабого, с загорелым дочерним лицом, в простом платье и простой шапке, все они отнеслись к нему

презрительно и принялись издеваться над ним, как только могли: насмехались и обманывали его, били, толкали, перебрасывали от одного к другому. Но Кай не сердился и прихлебатели устали, выдумки их наконец исчерпались.

Тогда вместе с Каем все они поднялись на высокую башню, и один из них пошутил:

— Тот, кто решится броситься вниз, — сказал он, — получит в награду сотню золотом.

Другие наперебой стали соглашаться, а Кай, приняв все за правду, поспешил броситься первым. Он, точно парящая птица, опустился на землю, не повредив ни костей, ни мускулов.

Свита Процветающего приняла это за случайность и не очень-то удивилась. А затем кто-то, указывая на омут в излучине реки, снова сказал:

— Там лежит драгоценная жемчужина. Нырни — и найдешь ее.

Кай снова послушался и нырнул. Вынырнул же действительно с жемчужиной.

Тут все призадумались, а Процветающий приказал впредь кормить Кая вместе с другими мясом и одевать его в шелк. Но вот в сокровищнице Процветающего вспыхнул сильный пожар. Он позвал к себе Кая и сказал:

— Если сумеешь войти в огонь и спасти шелк — весь отдам тебе в награду.

Кай, не колеблясь, сразу направился к сокровищнице. Он исчезал в пламени и снова появлялся, но огонь его не обжигал и сажа к нему не приставала.

После этого случая все в доме Процветающего решили, что Кай владеет каким-то секретом, и стали просить у него прощения:

— Мы не ведали, что ты владеешь чудом, и обманывали тебя. Мы не ведали, что ты — святой, и оскорбляли тебя. Считай нас дураками, считай нас глухими, считай нас сле-

пыми! Но позволь нам спросить: в чем заключается твой секрет?

— У меня нет никакого секрета, — ответил Кай с Шан-горы. — Откуда это — сердце мое не ведает. И все же об одном я попытаюсь вам рассказать.

Недавно двое из вас ночевали в моей хижине, и я услышал, как они восхваляли Процветающего: он-де властен умертвить живого и оживить мертвого, богатого сделать бедняком, а бедного — богачом. И я отправился к нему, несмотря на дальний путь, ибо поистине у меня не осталось других желаний. Когда я пришел сюда, то верил каждому вашему слову. Не думая ни об опасности, ни о том, что станет с моим телом, боялся быть лишь недостаточно преданным, недостаточно исполнительным. Только об одном были мои помыслы, и ничто не могло меня остановить. Вот и все.

А сейчас, когда я узнал, что вы меня обманывали, во мне поднялись сомнения и тревоги, я стал прислу-

шиваться и приглядываться к вашей похвальбе. Вспомнил о прошедшем: посчастливилось не сгореть, посчастливилось не утонуть — и от горя, от страха меня бросило в жар, охватила дрожь. Разве теперь я смогу приблизиться к воде или пламени?

С той самой поры удалцы Прощетающего не осмеливались больше обижать нищих и коновалов на дорогах. А встретив их, кланялись, сойдя с колесницы.

胡口羅氏
千十竹齋

Л

олутень спросила у Тени:

— Раньше ты двигалась, теперь остановилась; раньше ты сидела, теперь встала. Откуда такое непостоянство поведения?

Тень ответила:

— А может, я поступаю так в зависимости от чего-либо? А может, то, в зависимости от чего я так поступаю, зависит от чего-то еще? А может, я завишу от чешуйки на брюхе змеи или от крылышка цикады?

Как знать, почему это так? Как знать, почему это не так?

В

одной семье три поколения подряд совершали милосердные и справедливые дела. И вдруг их черная корова без всякой причины отелилась белым теленком. Спросили об этом Прорицателя.

— Это — счастливое предвестие, — сказал Прорицатель и велел принести теленка в жертву высшему предку.

Прошел год, и отец семейства беспричинно ослеп. А та корова снова отелилась белым теленком. Отец снова велел сыну спросить об этом Прорицателя.

— Зачем опять спрашивать? — сказал сын. — Прошлый раз спрашивали, а ты потерял зрение.

— Бывает, что предсказание мудреца сначала не оправдывается, а позже оправдывается, — ответил

отец. — Пока дело еще не кончилось, спроси его снова.

— Это — счастливое предвестие, — сказал Прорицатель и опять велел принести тельца в жертву.

Сын вернулся, передал совет, и отец ему сказал:

— Выполняй приказ Прорицателя!

Прошел еще год. Сын также беспричинно ослеп.

А затем чусцы напали на сунцев и окружили их город. Началась война, и все мужчины, которые могли держать в руках оружие, стали солдатами. Война продолжалась долго, и большинство из них погибли. А те — отец с сыном — остались дома.

Когда осаду сняли, болезнь у них прошла.

Ч

чэньский полководец приехал послом в Лу и тайно встретился с Шусунем.

— В нашем царстве есть мудрец, — сказал Шусунь.

— Не Конфуций ли? — спросил гость.

— Да, он.

— А откуда известно о его мудрости?

— Я слышал от Янь Юаня о том, что Конфуций способен использовать форму, отеросив сердце.

— А знаешь ли ты, что в нашем царстве тоже есть мудрец? — спросил полководец из Чэнь.

— Кого ты называешь мудрецом?

— Одного из учеников Лаоцзы — Кан Цанцзы. Он обрел учение Лао-

цзы и способен видеть ушами и слышать глазами.

Услышав об этом, луский царь очень удивился и послал к Кан Цанцзы вельможу с щедрыми дарами. Кан Цанцзы принял приглашение и приехал. Царь Лу униженно попросил разрешения задать вопрос. Кан Цанцзы же ответил:

— Тот, кто рассказал обо мне, все напутал. Я способен видеть и слышать без глаз и ушей, но не способен заменять зрение слухом, а слух — зрением.

— Это еще более удивительно, — сказал царь Лу. Каково же это учение? Я хочу, наконец, о нем услышать!

— Мое тело едино с моей мыслью, мысль едина с эфиром, эфир един с жизненной энергией, жизненная энергия едина с небытием. Меня раздражает даже мельчайшее существо, даже самый тихий отклик. Пусть они далеки — за пределами восьми стран света, или близки — у моих бровей и рес-

ниц, я о них обязательно буду знать.
Не знаю, ощущение ли это, воспри-
нятое мною через семь отверстий
и четыре конечности, или познание,
воспринятое через сердце, желудок
и все шесть внутренних органов. Это
естественное знание, и только.

**Чжуанцзы спал и видел себя
во сне бабочкой. Потом он
проснулся и подумал: кто я —
Чжуанцзы, который видел себя
во сне бабочкой, или бабочка,**

**которая видит себя
во сне Чжуанцзы?**

У

читель Лецзы двадцать лет прожил рядом с Учителем Южного Предместья, отделенный от него лишь оградой. Однако друг друга они не посещали и не приглашали, встречаясь же на улице, как будто друг друга не замечали. Ученики и слуги у ворот считали, что между Учителем Лецзы и Учителем Южного Предместья существует вражда.

Некий чусец спросил однажды Лецзы:

— Почему вы, преждерожденный, и Учитель Южного Предместья чуждаетесь друг друга?

— Зачем к нему ходить? — ответил Лецзы. — Лицо Учителя Южного Предместья отличается полнотой, а сердце — пустотой, уши у него не слышат, глаза не видят, уста

молчат, сердце не знает, тело не движется. И все же попытаюсь вместе с тобой отправиться на него посмотреть.

С ними пошли еще сорок учеников. Они увидели, что лицо Учителя Южного Предместья действительно похоже на маску чудовища, и с ним нельзя общаться. Они повернулись к Лецзы и увидели, что жизненная энергия у него отделилась от тела и он вышел из толпы.

Вдруг Учитель Южного Предместья указал на ученика Лецзы в последнем ряду и заговорил с ним радостно, как будто перед ним был совершеннейший и сильнейший. Ученики Лецзы удивились, и на обратном пути лица всех выражали сомнение.

— Зачем же так удивляться? — сказал им Лецзы. — Добившийся желаемого молчит, исчерпавший знания также молчит. Речь с помощью молчания — также речь, знание с помощью незнания — также знание. Отсутствие слов и

молчание, отсутствие знаний и незнание — это ведь также речь, это также знание.

Значит, нет ничего, о чем бы не говорил, нет ничего, о чем бы не знал. Значит также, что не о чем говорить, нечего знать. Только и всего.

П

овар царя Прекрасного
разделявал тушу быка.

Каждый взмах руки и наклон плеча, каждый шаг ноги и сгибание колена сопровождалось звуком отделяемой от кости кожи.

— Ах, как прекрасно, как совершенно твое мастерство! — в восхищении воскликнул царь.

— То, что любит ваш слуга — это дао. А оно превосходит простое мастерство. Поначалу, когда я занялся разделкой туш, я видел перед собой только туши быков. Но по прошествии трех лет я перестал видеть быков. Ныне я полагаюсь на божественное соприкосновение и больше не смотрю глазами. Я перестал следить за собой рассудком и даю претвориться божественному желанию. Вверяясь мудрости небес, я веду нож

через пустоты и полости, следуя безусловному и непреложному, и никогда не натапливаюсь на мышцы и сухожилия, не говоря уже о костях. Хороший повар меняет нож раз в год — потому что он режет. Обыкновенный повар меняет нож раз в месяц — потому что он рубит. Я же пользуюсь своим ножом уже девятнадцать лет, и, хотя разделал им тысячи туш, его лезвие как будто только что сошло с точильного камня.

Ведь в сочленениях туши всегда есть промежуток, а лезвие моего ножа не имеет толщины. Когда же не имеющее толщины вводишь в промежуток, то лезвию с избытком хватает места, где погулять. Вот почему, даже после девятнадцати лет мой нож выглядит настолько новым, будто он только что сошел с точильного камня. Однако, когда я подхожу к сложному сочленению, я собираю воедино все свое внимание. Пристально вглядываясь в это место, я медлю, на миг застываю

и вдруг — туша распадается сама, словно ком земли рушится на землю!

Тогда я вынимаю нож, постояв немного, оглянувшись по сторонам, пройду в нерешительности, и, удовлетворенный, вытираю нож и прячу.

— Отлично! — воскликнул царь. — Услышав твой рассказ, я понял, как достичь долголетия.

訪翁

十竹齋

П

лывя по реке, царь решил сделать остановку, и поднялся на Обезьянью гору.

Увидев его, стадо обезьян в испуге все побросало, разбежалось и укрылось в непроходимой чаще. И только одна обезьяна беспечно прыгала то туда, то сюда, как бы хвастаясь своим искусством перед царем.

Царь в нее выстрелил, но она ловко поймала стрелу. Царь велел своим помощникам стрелять беспрерывно, обезьяна же не убегала, а упорствовала до смерти.

Обернувшись, царь сказал своему другу, Красавцу Без Сомнений:

— Эта обезьяна, пренебрегая мною, хвасталась своей ловкостью и надеялась на свою изворотливость. — и погибла. Пусть это пос-

лужит тебе предостережением! Не
гордись перед людьми своей красо-
той!

Вернувшись домой, Красавец Без
Сомнений обратился к Высокому
Платану за наставлениями, как из-
бавиться от гордости, отказаться от
наслаждений и знатности. Прошло
три года, и люди царства стали его
хвалить.

Н

екто звал Чжуанцзы к себе на службу. Чжуанцзы ответил его посланцу:

— Видели вы когда-нибудь жертвенного быка? Как наряжают его в узорчатые ткани, как кормят травой и бобами! Но вот его поведут, и он вступит в храм предков. Сможет ли он снова стать вольным теленком, как бы ему этого не хотелось?

Чжуанцзы лежал при смерти, и ученики собирались устроить ему пышные похороны. Но Чжуанцзы воспротивился:

— К чему все это? Я считаю землю своим гробом, небо — саркофагом, солнце и луну — нефритовыми светильниками, планеты и звезды — мелким жемчугом, а всю тьму существ — своими провожа-

тыми. Разве мои похороны не будут совершенными?

— Мы боимся. — ответили ученики. — что вас, учитель, склюют вороны и коршуны.

— На земле. — сказал Чжуанцзы. — я пойду на пищу воронам и коршунам, под землей — муравьям. Отнимите у одних, отдадите другим. За что же муравьям такое предпочтение?!

Ж

ил среди сунцев Торгаш. Отправил его однажды сунский царь послом в Цинь и дал ему с собой несколько колесниц. А Торгаш сумел угодить циньскому царю, и колесниц у него стала сотня.

Вернувшись домой, Торгаш встретился с Чжуанцзы и стал над ним смеяться:

— Вы живете в самом закоулке нищей деревеньки и плетете от нужды сандалии. У меня, Торгаша, конечно, нет такой длинной высохшей шеи, и нет такого желтого лица. Зато стоило мне вразумить циньского царя, как у меня появилась целая сотня колесниц!

— Уходи прочь! — ответил Чжуанцзы. — Когда циньский царь хворал, он звал лекарей. Тот лекарь, что вскрыл чирей и удалил легкую

опухоль. получил одну повозку, а тот
лекарь, что вылизал теморрой —
пять повозок.

Чем ниже способ лечения, тем
выше награда.

Как же ты лечил его теморрой,
что заслужил столько колесниц?

У

читель из Восточного Предместья спросил Чжуанцзы:

— Где находится то, что называют дао?

— Нет такого места, где бы его не было, — ответил Чжуанцзы.

— Назовите место его пребывания, и тогда я смогу понять.

— В муравье, — ответил Чжуанцзы.

— А в чем-нибудь ниже этого?

— В сорной траве и куколке.

— А в чем-нибудь еще ниже этого?

— В черепице и кирпиче.

— А в чем-нибудь самом низком?

— В кале и моче.

Учитель из Восточного Предместья ничего на это не ответил, и тогда Чжуанцзы сказал:

— Ваши вопросы совершенно не доходили до сущности вещей. Они похожи на вопросы управляющего рынком по имени Хо, спрашивающего у рыночного надзирателя о способе определения жирности свиньи нажатием на нее ногой, согласно которому, чем ниже нажмешь, тем лучше узнаешь положение.

У вас не было необходимости спрашивать о местопребывании дао, так как дао неотделимо от вещей. Попытаемся вместе странствовать по дворцу Полного Небытия и рассуждать о единстве общего и тогда увидим, что у дао нет ни конца, ни края. Попытаемся вместе пребывать в недеянии, в тишине и спокойствии, в безразличии и чистоте, в гармонии и праздности! Пусть опустошится и исчерпается моя воля, чтобы она никуда не направлялась и не знала, откуда пришла; чтобы она уходила, и возвращалась, и не знала, где остановилась. И я бы уходил, и возвращался,

и не знал бы конца этому движению. Я блуждал бы в бескрайней пустоте, где появляется великое знание, и не знал бы его пределов.

Нет границы между дао и вещью, но каждая вещь имеет предел — это так называемая граница вещи. Предел же безграничного — это беспредельность ограниченного. Мы говорим о полноте и пустоте, о дряхлении и смерти. Дао создает полноту и пустоту, но само не является ни полным, ни пустым. Оно создает дряхление и смерть, но само не является ни дряхлением, ни смертью. Оно создает начало и конец, но само не является ни началом, ни концом.

Оно создает скопление и рассеивание, но само не является ни скоплением, ни рассеиванием.

仙友
于竹山

Ч

Черное Яйцо из-за тайной ненависти убил Цю Ясного, и сын Ясного, Верный, задумал ему отомстить. Духом Верный был очень силен, но телом слишком слаб: ел по зернышку, ходил лишь при попутном ветре. Даже в гневе не мог поднять оружие, чтобы отомстить. Но, стыдясь прибегнуть к чужой помощи, он поклялся расправиться с Черным Яйцом своей рукой.

Черное Яйцо же превосходил всех дерзостью и отвагой, силой противостоял сотне человек, крепостью суставов и костей, мускулов и кожи даже не походил на человека: вытянутой шеей отражал удар меча, обнаженной грудью — стрелу. Лезвие и острие гнулись и ломались, а на теле у него не оставалось ни царапины, ни шрама. Зная свою

силу, он смотрел на Верного, как на цыпленка.

— Что ты думаешь делать? — спросил у Верного его друг. — Ты так оскорблен, а он так пренебрегает тобой.

— Посоветуй мне что-нибудь. — проливая слезы, сказал Верный.

— Слышал я, что предок Великого Совершенного из царства Вэй добыл драгоценный меч иньского царя. С таким мечом один отрок способен отразить три армии. Не попросить ли у него этот меч?

Верный отправился в Вэй и увиделся с Великим Совершенным. Поклонился ему, точно раб-возница, попросил принять дары, а затем обратился со своей просьбой.

— У меня три меча, выбирай любой. — ответил ему Великий Совершенный. — Но ни одним из них нельзя убить человека.

Сначала я расскажу тебе о них. Первый называется Таящий Свет. Смотришь на него — и его не увидишь, взмахнешь им — и не зна-

ешь, коснулся ли он чего-либо или нет. Прозрачен и не имеет граней, рассекает тело, а тело ничего не ощущает.

Второй меч называется Принявший Тень. Если всматриваться в него с северной стороны при смене предрассветного мрака утренней зарей или в сумерках — на грани дня и ночи, то что-то увидишь, но формы не разберешь. Когда он кого-то коснется, издает будто укордкой тихий звон, но тело не ощущает боли.

Третий называется Закаленный Ночью. При свете дня видна его тень, но блеска не видно; ночью он блестит, но не видна форма. Коснувшись тела, рассекает его с треском, но рана сразу же заживает, остается лишь боль, и к лезвию кровь не пристает.

Эти три сокровища передавались в нашем роду уже тринадцать поколений, но в деле еще не бывали. Спрятаны они в ларце, и даже печати с него еще не снимали.

— И все-таки я должен попросить у вас последний, — сказал Верный.

Тогда Великий Совершенный вернул ему дары, постился с ним вместе семь дней и на грани вечерней зари и ночной темноты, опустившись на колени, вручил ему меч Закаленный Ночью.

Верный принял его, дважды поклонился и возвратился домой.

Он отправился с этим мечом к Черному Яйцу, а тот в это время лежал пьяный навзничь под окном. Верный трижды разрубил его от шеи до поясицы, но Черное Яйцо не проснулся. Думая, что он мертв, Верный поспешил уйти, но у ворот встретил сына Черного Яйца и трижды его рубанул, рассекая, будто воздух. Сын Черного Яйца расхохотался и спросил:

— Что ты так глупо машешь руками?

Тут Верный понял, что таким мечом не убить человека, и, тяжело вздыхая, пошел домой.

Проснувшись, Черное Яйцо рассердился на свою жену:

— Оставила меня, пьяного, непокрытым. Вот у меня теперь и заболело горло, заломило поясницу!

А сын его сказал:

— Недавно приходил Верный, встретился со мной в воротах и как-то странно махал руками. После этого у меня тоже заболело все тело, а конечности онемели.

— Все ясно, — воскликнул Черное Яйцо. — Он нас сокрушил!

П

редположим, есть человек, который ценит жизнь и бережет свое здоровье. Может ли он достичь бессмертия?

— По закону природы нет бессмертия.

— А может ли он достичь долгой жизни?

— По закону природы нет долгой жизни.

Жизнь не сохранишь тем, что ее ценишь, а здоровье не сохранишь тем, что его бережешь. Да и зачем нужна долгая жизнь? Наслаждение и отвращение во всех пяти чувствах ныне те же, что и встарь; опасность и безопасность четырех конечностей ныне те же, что и встарь; горе и радость в делах ныне те же, что и встарь; смена порядка и беспорядка в управлении ныне та же, что и

встарь. Все это видели, все это слышали, все это знают, все это снова и снова испытали. Так много, что надоест и за сто лет. Насколько же тяжелее будет жить долго!

— В таком случае ранняя смерть лучше долгой жизни? И чтобы обрести желаемое, нужно броситься на острие, на лезвие, кинуться в кипяток или огонь?

— Нет. Поскольку уже живешь, то в ожидании смерти живи легко, исполняя до конца все свои желания. А придет смерть — легко перенеси ее, пусть она исполнит свое до конца.

Предоставь свободу угасанию. Ко всему относись легко и все терпи. К чему спешить или медлить за столь короткий срок!

У Прокаженного в полночь родился сын.

Он поспешил взять огня и стал пристально всматриваться, боясь лишь, чтобы сын не оказался на него похожим.

Н

екогда царь Прекрасный
пристрастился к фехтованию.

Фехтовальщики осаждали его
ворота и гостили у него по три ты-
сячи человек и более. Днем и ночью
перед дворцом происходили поедин-
ки. За год убивали и ранили больше
тысячи удалцов. Страсть же царя
оставалась ненасытной.

Прошло три года. Царство стало
приходить в упадок, соседи начали
строить против него козни. Сокру-
шаясь об этом, наследник Печаль-
ный собрал всех придворных, чьи
места справа и слева, и спросил:

— Кто бы взялся отвратить царя
от его страсти и положить конец
поединкам фехтовальщиков? Я дал
бы тому в награду тысячу золотом.

— Это под силу только Чжуанц-
зы, — ответили справа и слева.

Наследник отправил посланцев к Чжуанцзы, чтобы поднести ему тысячу золотом. Чжуанцзы золота не принял, но отправился вместе с посланцами и, представ перед наследником, спросил:

— Что повелит мне наследник, награждая меня золотом?

— Прослышав о вашей проникательности и мудрости, учитель, — ответил наследник, — я почтительно поднес тысячу золотом, но разве остелюсь я заговорить, если вы, учитель, дар отклонили!

— Я слышал, — сказал Чжуанцзы, — что вы хотите с моей помощью отвратить царя от его страсти. Предположим, что я, отговаривая государя, стану ему перечить, и не сумею уладить для вас дело. Меня покарают смертью. К чему тогда мне золото? Предположим, что я уговорю государя, улажу дело. Тогда я получу все, что пожелаю.

— Верно! — сказал наследник. — Но у всех фехтовальщиков, которых

принимает наш государь, волосы всклокочены, борода торчит вперед, шлемы надвинуты на глаза, платье сзади короче, чем спереди. У них сердитый вид, а речь косноязычна. Только такие царю и нравятся. Если же вы, учитель, предстанете перед государем в платье мыслителя, дело примет плохой оборот.

— Дозвольте мне приготовить себе костюм фехтовальщика, — попросил Чжуанцзы.

Через три дня Чжуанцзы в костюме фехтовальщика встретился с наследником и вместе с ним предстал перед царем.

Царь ожидал их, обнажив клинок.

Не спеша Чжуанцзы вошел в зал, а, глянув на царя, не поклонился.

— Если желаешь меня чему-нибудь обучить, — сказал царь, — покажи сначала свое умение наследнику.

— Я слышал, что великому государю нравится фехтование, поэто-

му и предстал перед государем как фехтовальщик.

— Как же ты управляешься с мечом? — спросил государь.

— Через каждые десять шагов меч в руке вашего слуги разит одного человека, на тысяче ли не оставляет в живых ни одного путника.

— Тогда в Поднебесной нет тебе соперника! — воскликнул обрадованный царь.

— Хорошо бы с кем-нибудь померяться силами. — сказал Чжуан-цзы. — Сделав ложный выпад, я даю противнику как будто преимущество. Но, нанося удар позже него, я опережаю его в попадании.

— Вы, учитель, пока отдохните! Ожидайте приказа в своих покоях. Я же велю устроить забаву и тогда приглашу вас. — сказал царь.

Царь устроил состязание меченосцев, и за семь дней только убитых оказалось более шестидесяти человек. Отобрав несколько победителей, царь велел вручить им мечи

возле дворца, а сам призвал Чжуанцзы и объявил:

— Сегодня мы испытаем, кто из мужей искуснее всех в фехтовании!

— Давно жду этого дня, — ответил Чжуанцзы.

— Какова длина оружия, которым вы, учитель, будете сражаться? — спросил царь.

— Могу сражаться любым мечом, который мне вручат, — ответил Чжуанцзы. — Но у меня есть три меча. Я буду драться любым, но только по выбору государя. Дозвольте о них рассказать.

— Готов выслушать речь о трех мечах, — согласился царь.

И Чжуанцзы повел свой рассказ:

— Первый меч — меч Сына Неба, второй меч — меч Царский, и третий меч — меч Удальца.

— Каков же меч Сына Неба? — спросил его царь.

— У меча Сына Неба лезвие от Ласточкиного Потока до Великой Стены, острие — пик горы Ци, тупая сторона — от Цзинь до Вэй.

чашка эфеса — Чжоу и Сун, руко-
ять — Хань и Вэй, в ножны вме-
щаются все варвары, все времена
года, в перевязи — море Бохай, в
портуpee — гора Вечности. С его
помощью обуздывают пять перво-
элементов, определяют преступле-
ния и достоинства, отделяют жар
от холода, удерживают весну и лето,
вершат дела осенью и зимой. Ру-
банешь этим мечом прямо — никто
перед тобой не устоит, взмахнешь
вверх — никто вверху не удержится,
вниз — никого внизу не останется,
поведешь кругом — никого по сто-
ронам не окажется. Вверху — рас-
сечет плывущие облака, внизу —
перережет земные веси. Только
пустишь меч в ход — наведешь по-
рядок среди царей, и вся Поднебес-
ная покорится. Таков меч Сына
Неба!

— Каков же Царский меч? —
растерянно, как в тумане, спросил
царь.

— Лезвием Царского меча слу-
жат мужи знающие и отважные.

острием — мужи бескорыстные и честные, тупой стороной — мужи достойные и добрые, чашкой эфреса — мужи преданные и мудрые, рукоятью — мужи отваги и доблести. Рубанешь этим мечом прямо — никто перед тобой не устоит, взмахнешь вверх — никто вверх не удержится, вниз — никого внизу не останется, поведешь кругом — никого по сторонам не окажется. Наверху он уподобляется круглому небу, чтобы послушны были все три рода светил, внизу уподобляется квадратной земле, чтобы послушны были времена года, в центре согласуется с желаниями народа, чтобы был покой во всех четырех сторонах. Только пустишь меч в ход — поразит, словно удар грома, и каждый явится, чтобы повиниться указам государя. Таков Царский меч!

— А каков же меч Удальца? — спросил царь.

— Меч Удальца для всех, у кого волосы всклокочены, борода торчит

вперед, шлемы надвинуты на глаза, у кого сердитый вид, а речь косноязычна. Кто вступает перед вами в поединки, сверху — перерезает горло, перерубает шею, снизу рассекает печень и легкие. Таков меч Удальца, который не отличается от драчливого петуха. Жизнь его может прерваться в любое утро. Для государственных дел он не годится.

Ныне вы, государь, занимаете пост Сына Неба, а пользуетесь мечом Удальца. Мне, вашему ничтожному слуге, стыдно за вас, государь!

Доклад о мечах закончен, — сказал Чжуанцзы. — А теперь посидите в тишине, великий государь, и успокойте свое дыхание.

После этого царь Прекрасный три месяца не покидал дворца, а все фехтовальщики, облачившись в траур, покончили с собой.

4

Зиньский царь выступил на соединение с союзниками, чтобы вместе напасть на Вэй. Царевич Чу поглядел на небо и рассмеялся.

— Почему ты смеешься? — спросил его царь.

— Я смеюсь над соседом. — ответил царевич. — Он проводил жену к ее родителям, а по дороге заметил женщину, собиравшую листья шелковицы. Она ему понравилась, и он стал с ней заигрывать. Но тут обернулся и поглядел вслед своей жене: ее тоже кто-то манил. Над ним я и смеюсь.

Царь понял намек, остановил войско и повел его обратно. И не успел он дойти до дома, как враги напали на северную окраину его царства.

十竹齋

3

айдя за ограду. Чжуанцзы бродил по заброшенному кладбищу. Вдруг с юга прилетела странная птица: крылья — четыре локтя размахом, глаз — с вершок. Пролетая, она задела лоб Чжуанцзы и села в каштановой роще.

— Что за птица! — удивился Чжуанцзы. — Крылья большие, а не улетает, глаза огромные, а не видит.

Он поспешил за ней, держа наготове самострел, но тут заметил, как цикада, наслаждаясь тенью, забыла о самой себе. И кузнечик-богомол, незаметно подобравшись, набросился на нее, и, глядя на добычу, тоже забыл о самом себе. А потом их обоих схватила странная птица и забыла о себе.

— Ах! — воскликнул опечаленный Чжуанцзы. — Различные виды

навлекают друг на друга беду. Вещи губят друг друга.

Он бросил самострел, повернулся и пошел прочь. Но тут за ним погнался Лесник и стал его бранить.

Вернувшись, Чжуанцзы три дня не выходил из дома.

— Почему вы, учитель, так долго не выходили? — спросил его один из учеников.

— Я забыл о самом себе, — ответил Чжуанцзы. — Сохраняя телесную форму, я так долго наблюдал за мутной лужей, что заблудился в чистом источнике. А ведь учитель предупреждал меня об этом.

Я бродил по заброшенному кладбищу и забыл о самом себе. Странная птица задела мой лоб и летала по каштановой роще, забыв о себе. Лесник же принял меня за браконьера. Вот почему я не выходил из дому.

Т

ун Ху из Лу и Ци Ин из Чжао заболели и, придя вместе к врачу, просили исцелить их. Врач стал их лечить и, когда оба они выздоровели, сказал:

— Прежняя болезнь вторглась в ваши внутренности извне, поэтому от лекарств и уколов камнем прошла. Ныне же осталась болезнь, которая родилась вместе с вами и выросла вместе с вашим телом. Как вы думаете, не побороться ли с ней теперь?

— Мы хотели бы сначала услышать о ее признаках, — сказали больные.

— Воля у тебя сильная, а жизненная энергия слабая, — сказал врач, обращаясь к Гун Ху. — Поэтому ты силен в замыслах, но слаб в их выполнении. У Ци Ина же, —

продолжал врач. — воля слабая, а жизненная энергия сильная, поэтому он мало размышляет и вредит себе произволом. Если переставить ваши сердца, то — к счастью для обоих — установится равновесие.

После этого врач напоил обоих вином с порошком и одурманил, будто до смерти, на три дня. Разрезал у каждого грудь, вытащил сердца, переменил их местами и приложил чудесное снадобье.

Придя в сознание, оба почувствовали себя здоровыми, как прежде, попрощались и отправились по домам.

И вот Гун Ху пошел в дом к Ци Ину, жена которого отказалась его признать. Ци Ин же пошел в дом к Гун Жу, жена которого также отказалась его признать. Семьи стали друг с другом судиться и попросили врача разобрать их тяжбу. Тогда врач объяснил им, как было дело, и тяжба была прекращена.

Н

екто, удивший рыбу с леской из одной шелковой нити кокона, с крючком из ости колоса, с удочкой из цзинского бумбука, с приманкой из разрезанного зерна, вытащил рыбу величиной с целую повозку. Даже в пучине сто жэней глубиной, в стремительном потоке леска не рвалась, крючок не выпрямлялся, удочка не сгибалась.

Услышал об этом царь, удивился, призвал его к себе и спросил, какая тому причина.

— Я, ваш слуга, слышал от Прездорожденного рассказ о том, как один человек стрелял привязной стрелой. Лук был слабый, привязная стрела — тонкая. Он пускал ее при попутном ветре сразу в пару черных журавлей на краю темной тучи.

Предавался этому всем сердцем, равномерно действовал руками.

Я, ваш слуга, подражая ему, учился удить рыбу. За пять лет постиг его искусство. Когда я с удочкой приближаюсь к реке, в сердце нет никаких забот, оно полно только одной мыслью — о рыбе. Закидываю леску, погружаю крючок, в руке же нет веса ни легкого, ни тяжелого, и ничто не способно меня отвлечь. Рыба смотрит на приманку, как на затонувшую пылинку, и глотает ее без колебаний.

Вот так я способен тяжелое одолеть легким, силу — слабостью. Если бы также мог править царством великий государь, то Поднебесную поистине можно было бы привести в движение одной рукой. Разве это было бы трудным делом?

— Прекрасно! — сказал царь.

К

онфуций, странствуя на Востоке, заметил двух спорящих мальчиков и спросил, о чем они спорят.

— Я считаю, что солнце ближе к людям, когда только восходит, и дальше от них, когда достигает зенита, — сказал первый мальчик. — А он считает, что солнце дальше, когда только восходит, и ближе, когда достигает зенита. И добавил:

— Когда солнце восходит, оно велико, словно балдахин над колесницей, а в зените мало, словно тарелка. Разве предмет не кажется маленьким издали и большим вблизи?

— Когда солнце восходит, оно прохладное, а в зените — жжет, словно кипяток, — сказал второй мальчик. — Разве предмет не ка-

жется горячим вблизи и холодным
издали?

Конфуций не смог решить этого
вопроса, и оба мальчика засмеялись
над ним:

— Кто же считает тебя много-
знающим?!

仁西村口十竹山臨
東公論先生筆意

М

можно ли говорить с людьми загадками? — спросил один человек Чжуанцзы, но тот промолчал.

— Если загадку уподобить камню, брошенному в реку, то что получится? — настаивал тот человек.

— В царстве У прекрасные водолазы. Они сумеют его выловить, — ответил Чжуанцзы.

— А если загадку уподобить воде, налитой в воду?

— Смешали воду из разных рек, но повар И попробовал и распознал их.

— Значит, нельзя говорить загадками?

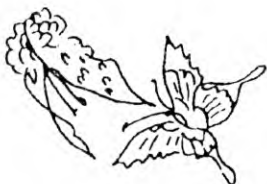
— Почему же нельзя? Но только понимает ли смысл слов сам говорящий? Ведь понимающий смысл

слов не станет говорить словами. У рыбака намокает одежда, у охотника устают ноги, но не для удовольствия. Ибо истинные слова — без слов, а истинное деяние — недеяние. Ведь то, о чем спорят люди поверхностные, столь незначительно!

Так ничего и не добившись, тот человек вскоре скончался в бане.

К

огда царь Светлейший лишился своего царства, за ним последовал Мясник. Вновь обретя царство, государь стал награждать всех, кто не покинул его в беде. Очередь дошла и до Мясника.

— Великий государь лишился своего царства, — сказал Мясник, отказываясь от награды, — а я лишился скотобойни. Теперь Великий государь вновь обрел свое царство, а я вновь обрел свою скотобойню. Так ко мне, вашему слуге, вернулись и ранг, и жалованье. Какая же мне еще нужна награда?

— Заставить его принять награду, — передал в ответ государь.

Но Мясник снова отказался.

— Не по моей вине Великий государь лишился царства, — сказал он, — и не моя заслуга в том, что

государь вновь обрел царство. Поэтому я не смею принять награды.

— Привести его мне. — велел царь.

Но Мясник отказался идти.

— По законам нашего царства предстать перед царем можно, лишь получив награду за важные заслуги. У меня не хватает знаний, чтобы сохранить царство, не хватает смелости, чтобы принять смерть в бою с разбойниками. После вторжения вражеской армии в столицу я в страхе бежал из города. И вот вы, государь, желаете, чтобы я, Мясник, предстал перед вами. О таком нарушении закона в Поднебесной мне еще не приходилось слышать.

Тогда царь обратился к Владеющему Своими Чувствами:

— Мясник звания весьма презренного, а суждения имеет весьма высокие. Передай ему от моего имени, чтобы занял место среди Трех великих мужей.

И тогда Мясник передал царю:

— Я знаю, насколько место среди
Трех великих мужей почетнее моего
прилавка на рынке. Мне также из-
вестно, во сколько раз жалованье,
которое я мог бы получать, больше
прибыли мясника. Но если я пос-
мею кормиться от такого высокого
жалованья и ранга, моего государя
станут называть безумно расточи-
тельным. Лучше уж мне вернуться
на рынок и забивать овец.

Так Мясник и не принял награды.

Мастер игры со ставкой на черепицу станет волноваться при игре на серебряную застёжку и потеряет рассудок при игре на золото.

Искусство одно и то же, но стоит появиться ценному, и внимание перейдет на внешнее. Внимание к внешнему всегда притупляет внимание к внутреннему.

棕
樹
+
44
88

С

ообщник разбойника Чжи спросил его:

— Есть ли у разбойников свое учение?

— Разве можно выходить на промысел без учения? — ответил Чжи. — Угадать по ложным слухам, что в доме есть сокровища — это мудрость; войти в дом первым — это смелость; выйти последним — справедливость; пронюхать, возможен ли грабеж — знание; разделить добычу поровну — милосердие. Без этих пяти добродетелей никто в Поднебесной не может стать крупным разбойником. Отсюда видно, что если без учения мудрецов нельзя стать добрым человеком, то тем более, без учения мудрецов нельзя стать разбойником.

Но добрых людей в Поднебесной мало, а недобрых много. Поэтому польза, которую приносят Поднебесной мудрецы, невелика, а вред — велик. Поэтому и говорится: «Когда рождается мудрец, появляется и великий разбойник».

Если мудрецов прогнать, а разбойников оставить в покое, в Поднебесной наступит мир, и больше не будет беды. Пока мудрецы не перемрут, не переведутся и великие разбойники. Управлять Поднебесной, уважая мудрецов, означает соблюдать выгоду разбойника Чжи.

Б

еззубый спросил Учителя в
Тростниковом Плаще:

— Что такое дао?

Учитель сказал:

— Освободи свое тело от пороков, сосредоточь свой взор на одном, и естественное согласие придет к тебе. Сдерживай свои знания, сосредоточь свои устремления на одном, и естественная мудрость придет к тебе. Она останется с тобой. Добродетель расцветет красотой в тебе, а дао поселится в твоём сердце.

Смотри прямо перед собой бессмысленным взором, как новорожденный теленок, и не ищи причины всего этого...

Он не закончил говорить, как Беззубый уже крепко уснул. Учитель в Тростниковом Плаще очень обра-

довался и покинул его, напевая веселую песенку:

Его знание действительно настоящее
И он не цепляется за прошлые вещи
И нельзя обдумывать с ним никаких
планов —

Вот какой это человек!

Н

Некий янец родился в Янь, но вырос в Чу, и, состарившись, отправился обратно в свою страну.

Проходя с ним по царству Цзинь, попутчик захотел его обмануть. Указав на стену, он сказал:

— Это стена царства Янь.

Янец побледнел от печали. Указав на алтарь Земли, попутчик молвил:

— Это алтарь твоей общины.

Янец принялся вздыхать и стелать. Указав на хижину, попутчик сказал:

— А это жилище твоих предков.

Слезы из глаз яньца потекли ручьем. Указав на могильные холмы, попутчик добавил:

— А вот это — могилы твоих предков.

И янец безудержно зарыдал.

Тут попутчик расхохотался и сказал:

— Я тебя одурачил. Ведь это — царство Цзинь.

Янец чуть не сгорел со стыда. Когда же пришел в Янь и увидел настоящие яньские стены и алтарь Земли, настоящие хижины и могилы предков, горе уже не охватывало его с такой силой.

竹石
B

Н

аступило время весенне-
го разлива.

Сотни потоков влились в Хуанхэ. Разлив ее был так велик, что с одного берега реки нельзя было отличить лошади от коровы на противоположном берегу. И тогда дух Хуанхэ восторженно обрадовался самому себе, считая, что красота Поднебесной достигла в нем своего предела.

Следуя течению, он поплыл на восток и достиг океана. Посмотрев вокруг, он увидел, что нет воде конца. И тогда он стал вертеть головой по сторонам, а затем с уважением посмотрел на океан и, вздохнув, сказал:

— В народной поговорке говорится: «Наслышался много о дао и уже считает, что нет равного

ему», — это сказано обо мне. К тому же я слышал когда-то людей, которые пренебрегали знаниями. Тогда я им не поверил, но теперь, когда я увидел твою беспредельность, я убедился в их правоте. Если бы я не пришел к твоим воротам, то мне грозила бы опасность еще долго быть посмешищем в глазах постигших дао.

Дух Океана сказал:

— С лягушкой, живущей в колоде, нельзя говорить об океане: она слишком привязана к своей дыре. С насекомым, живущим только одно лето, нельзя говорить о зимней стуже: оно ограничено временем своей жизни. С ограниченным грамотеем нельзя говорить о дао: он скован своим образованием.

И только теперь, когда ты вышел из своих берегов и увидел великий Океан, ты узнал свое ничтожество, и с тобой можно говорить о Великом Законе.

В Поднебесной нет воды большей, чем Океан. Сотни рек вливаются в

него, а он никогда не переполняется. Его вода выливается через огромное отверстие в земле, и неизвестно, когда перестанет, а он не иссякает. Океан не меняется ни весной, ни осенью и не знает, что такое наводнение или засуха. Его превосходство над потоком вод Янцзы и Хуанхэ не поддается ни измерению, ни подсчету, однако, я никогда не считал себя огромным, так как я сравнивал свои размеры с небом и землей, а жизненную силу получал от инь и ян. Между небом и землей я как камешек или деревце на большой горе. Видя, как я мал среди существующего, разве могу я считать себя огромным?

— В таком случае могу ли я считать небо и землю самым большим, а кончик волоска — самым маленьким? — спросил дух Хуанхэ.

— Нет! — ответил дух Океана. — Ведь размеры вещей безграничны, время никогда не останавливается, судьба не постоянна. Поэтому человек, обладающий великими знани-

ями, одинаково смотрит на далекое и близкое, малое не считает ничтожным, а большое — огромным, так как знает, что размеры вещей относительны. Он доказывает, что настоящее и прошлое — это одно и то же, и поэтому не тоскует по далекому прошлому и не пытается схватить близкое настоящее, так как знает, что время никогда не останавливается. Он исследует полноту и пустоту и поэтому, обретая, не радуется, теряя, не печалится, так как знает, что судьба не постоянна. Он ясно понимает путь и поэтому не радуется своему рождению и не считает несчастьем свою смерть, так как знает, что конец и начало сменяют друг друга.

Учи также, что немного известное человеку не сравнится с тем, что ему не известно, и что краткое время его жизни не сравнить со временем его небытия. Поэтому тот, кто при помощи крайне малого пытается определить пределы крайне большого, непременно впадает в за-

блуждение. Если исходить из такого взгляда, то как же можно знать, достаточно ли кончика волоска, чтобы определить границу крайне малого; как же можно знать, достаточно ли неба и земли, чтобы исчерпать пределы самого великого?

— Где же искать грань между ценным и ничтожным, большим и малым — вне вещей или внутри них самих? — спросил дух реки.

— Если смотреть на это, исходя из дао, то вещи не ценны и не ничтожны. Если смотреть на это, исходя из вещей, то сами они считают себя ценными, а других ничтожными. Поэтому говорить: «Последуем истине и отринем ложь, последуем порядку и отринем беспорядок», — значит не понимать принципа неба и земли и закона всех вещей. Это все равно, что признавать небо и отвергать землю, признавать начало инь и отвергать начало ян. Ясно, что так делать нельзя. А тот, кто

упорствует в подобных высказываниях, тот если не дурак, то лжец.

Познав действие небесного и человеческого, укоренимся в небесном и обретем должное нам. Идя вперед, склонимся перед круговоротом. Возвращаясь к основе, будем говорить о Великом Пределе.

— Что называется небесным? Что называется человеческим?

— У буйволов и коней по четыре ноги — вот что такое небесное. Узда на коне, кольцо в носу у буйвола — вот что такое человеческое.

Дух реки сказал:

— В мире любители рассуждать говорят: «Мельчайшее лишено формы, величайшее нельзя охватить». Это верно?

— Если от мелкого смотреть на крупное, оно кажется беспредельным. — ответил дух Океана. — А если от крупного смотреть на мелкое, оно кажется незаметным. Так они различны в том, чем они являются друг для друга. Везь и тонкое, и грубое появляются от того,

что имеет форму. Бесформенное же нельзя установить делением, необъятное нельзя исчерпать счетом. То, о чем можно поведать словами — грубая сторона вещей. То, что можно постичь мыслью — тонкая сторона вещей. То, о чем нельзя поведать словами и что нельзя постичь мыслью, не относится ни к грубому, ни к тонкому.

Дух Хуанхэ спросил:

— Что же мне делать и чего не делать? Что мне отвергать и что принимать? К чему мне стремиться, отчего бежать? Как же мне, в конце концов, быть?

Дух Океана ответил:

— Жизнь вещей — как скачущий конь. Ни малейшего движения без превращения, ни мгновения без перемен. Что делать? Чего не делать? Пусть все превращается само собой!

柑
子
十
八
日
成

Две горы. Тай и Ван, окруженностью до семисот ли, высотой до десяти тысяч жэнь поднимались к югу от Цзи и к северу от Хэ. У подножья этих гор жил девятистолетний Простак. Надоело ему обходить горы, преграждавшие путь, куда бы он не направился, откуда бы не возвращался. Собрал он свою семью на совет:

— Не сумеем ли мы с вами, поднатужившись, сравнять с землей эту преграду и проложить дорогу до южного берега Хань?

Все согласились, только жена усомнилась:

— Тебе, старому, не по силам и малый холм срыть, что уж говорить о Тай и Ван! Да и куда ты денешь столько земли и камней?

— Будем сбрасывать их в залив Бохай, севернее мели. — ответили все.

И вот Простак повел своих сыновей и внуков, те понесли корзины на коромыслах. Стали они дробить камни, рыть землю и относить корзинами в Бохай.

Сын соседки, вдовы из рода Столичных, у которого едва выпали молочные зубы, вприпрыжку прибежал им помогать.

Зима сменилась летом, а они почти не продвинулись.

Умник с Излучины Реки стал смеяться над Простакон:

— Вот глупец! Тебе, дряхлому старику, не уменьшить гору и на волосок. Как же ты думаешь справиться с такой массой земли и камней?

Простак вздохнул и ответил:

— Тебе, твердолобому, ничего не понять! Что за печаль, что не справлюсь? Пусть я умру — останутся сыновья, потом внуки, у внуков — снова сыновья, у их сыновей — свои

сыновья и снова внуки. Сыновьям и внукам не будет конца, они будут расти и расти! А горы-то за это время не вырастут!

Умнику с Излучины Реки нечего было ответить.

Услышал Простака дух. Хозяин Змей, испугался, что тот не отступится, и доложил обо всем Владыке. Растрогала Владыку добросовестность Простака и приказал он двум сыновьям из рода Больших Муравьев перенести на спине обе горы, одну — на восток, а другую — на юг.

И с той поры от юга Цзи до берега Хань не стало горных преград.

**Типография ВГУ
394000, г. Воронеж,
ул. Пушкинская, 3
З. 1181. Т. 200. V. 16,25 п.л.**

Чжуанцзы спал и видел себя
во сне бабочкой. Потом он
проснулся и подумал: кто я —
Чжуанцзы, который видел себя
во сне бабочкой, или бабочка,
которая видит себя
во сне Чжуанцзы?

